

A man with a beard and dark hair, wearing a black shirt, stands behind a woman with long, wavy blonde hair. They are in a warm, dimly lit room with a lamp and flowers in the background.

Дарья Глебова

Драгоценный мой
ПРЕДАТЕЛЬ

Дарья Глебова

Драгоценный мой предатель

«Автор»

2026

Глебова Д.

Драгоценный мой предатель / Д. Глебова — «Автор», 2026

Он достал конверт. Белый, плотный, с тиснёным золотым уголком, плотно запечатанный. Положил его перед собой, немного помедлил и посмотрел на меня. В этом взгляде было что-то, чего я не успела разобрать, потому что мысли мои уже неслись далеко вперёд. Сейчас он откроет коробочку и подарит мне серьги! О боже мой это сейчас случится!— Открывай, - кивнул он. «Подарочный сертификат». Внизу сумма.. три тысячи рублей. И название магазина какая-то «Лаванда»— Что? -спросил он. И в голосе у него прозвучало что-то такое, от чего у меня внутри окончательно оборвалось. - Не нравится?— Что ж, я знал, - сказал он, глядя мне прямо в глаза. - Я знал, Кать, что ты будешь недовольна. Ты ведь всегда хочешь больше, чем заслуживаешь.

© Глебова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Глебова

Драгоценный мой предатель

Глава 1

Стою посреди спальни и смотрю на распахнутый шкаф мужа. Рубашки висят ровными рядами, белые, голубые, в тонкую полоску. Каждая выглажена так, будто её только что принесли из ателье. Игорь любит порядок, а вернее, требует его от меня. Иногда мне кажется, что я глажу не рубашки, а довожу до идеала себя, чтобы не раздражать мужа.

— Ладно, - говорю я вслух, обращаясь то ли к шкафу, то ли к самой себе. Мой голос звучит чужим в пустой квартире. - Генералить в свой день рождения. Логично, Кать. Очень логично.

Дурацкая привычка. Когда внутри слишком много всего, руки сами тянутся что-то делать. Перебирать, складывать, намыывать. Будто, разложив по полочкам носки, можно так же разложить по полочкам собственную жизнь, в которой уже давно никто ничего не складывал. А раскладывать есть что. Ох, есть.

Мне исполнилось тридцать четыре года, и каков итог? Тринадцать лет брака, девятилетний сын гостящий у моей мамы. Сегодня уезжая к бабушке он шепнул мне: «Мам, ты у нас красивая». И у меня тогда защипало в носу, когда мне в последний раз что-то подобное мне говорил мой муж, я уже и не помню. Но! Он пригласил меня на ужин в ресторан сегодня вечером. Игорь сказал об этом неделю назад, на бегу, где-то между «передай соль» и «я опаздываю»:

— В субботу в семь. Там где мы когда-то любили сидеть.

Я тогда чуть не уронила чашку. Кофе плеснул через край и обжёг пальцы, а я даже не заметила.

«Где мы любили сидеть.» Господи, сколько же я не слышала от него подобной формулировки, мы, любили, вместе. Эти слова за последние годы как-то сами собой выскользнули из нашего общего словаря.

Мы не были там сто лет. Все никак не находилось время на ужин вдвоем. Игорь всегда работал. Сначала менеджером, потом начальником отдела, потом коммерческим директором. И все это в компании моего отца. Возвращался поздно, целовал в щёку перед сном. Иногда мне казалось, что это даже не поцелуй, а так, отметка в таблице. Расписался и пошёл спать. Ни претензий, ни вопросов.

И вдруг ресторан «где мы любили сидеть»! Эти простые слова всю неделю крутились у меня в голове, как заевшая пластинка. Я ловила себя на том, что улыбаюсь у плиты. На том, что по ночам прокручиваю в голове, что надену, как сделаю причёску, что скажу.

Дурочка. Тридцатичетырёхлетняя дурочка с сединой у виска, а внутри всё та же двадцатиднолетняя, которая ждала его на лавочке у универа и считала минуты до того, как он покажется из-за поворота.

Я выдохнула и взялась за дело.

Сняла свитера с верхней полки, пусть подышат, пахнут уже больше шкафом, чем шерстью. Отодвинула коробку с галстуками, которые он почти не носит, теперь же модно без галстука, теперь у них, у директоров, всё неформально. Провела рукой за рубашками, у самой стенки шкафа, мало ли что туда упало. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое.

Маленькое, обтянутое чем-то мягким. Что за ерунда?

Медленно, как сапёр, я потянула это что-то на себя. Тёмно-синяя, квадратная бархатная коробочка для ювелирного украшения. Я вынесла её на свет, к окну. И встала перед окном, как

дура, не в силах открыть. Я присела на край кровати, поставила коробочку себе на колено и долго смотрела на неё. Какая-то часть меня уже всё знала, и эта часть уже трепетала от счастья и облегчения. Ну вот же, оказывается, не зря я ждала, не зря складывала свои чувства в дальний ящик и закрывала на ключ.

Щёлкнул замочек. Я ахнула! Это были те самые серьги!

Полгода назад мы шли мимо ювелирного магазина, после кино, кажется, мы тогда впервые за год сходили в кино, и я была такая счастливая, что даже взяла его под руку, как когда-то. Бриллианты-капли на тонких золотых нитях, будто кто-то застеклил две слезы. Я остановилась всего на секунду, а Игорь усмехнулся и сказал тем самым тоном, от которого у меня внутри что-то сжимается:

— Кать, ну сколько можно? У тебя что сережек нет.

Я тогда отвернулась и пошла дальше. Молча. И всю дорогу домой кусала щёку изнутри, чтобы не расплакаться. Не из-за серёжек, серьги-то что, бирюльки. А из-за этого тона. Из-за этого «ну сколько можно» Как будто само моё существование, ему уже претит.

Я уже и позабыла о этих серьгах.. А он, оказывается, помнил.

В груди разлилось такое тепло, как бывало в самом начале наших отношений. Когда он смотрел на меня и я физически чувствовала, как внутри становится светлее. Я уже забыла это ощущение. А оно, оказывается, никуда не делось просто лежало где-то на дне, ждало.

Серьги были тяжёленькие. Я держала их двумя пальцами, как держат бабочку, очень бережно, чтобы не повредить крылья. Бриллианты поймали солнце из окна и по стенам поплыли крошечные радуги.

Я надела их и подняла взгляд к зеркалу.

В отражении на меня смотрела какая-то другая я. Не та измотанная женщина, которая полтора часа назад сонно мазала на бутерброд масло, заглядывая в холодильник в халате с пятном от какао. А двадцатиднолетняя девочка с горящими щеками и блестящими глазами. С той самой улыбкой, с которой я когда-то выходила замуж в платье с открытыми плечами и думала, что счастье это навсегда.

— Платье, — сказала я. И голос звенел, как у школьницы перед выпускным. — Платье цвета шампанского!

Оно висело в углу гардероба, в чехле, забытое. Я купила его три года назад на годовщину. Помню, как примеряла в магазине, как кружилась у зеркала, как продавщица говорила «ой, какая вы в нём!». В тот вечер Игорь не пришёл. Извинился потом, через сутки, мимоходом. Списал на работу. И на работе же, видимо, оставил всё, что должен был принести домой. С тех пор платье висело, как немой укор. Я даже не любила открывать тот угол шкафа.

А сегодня открою.

Я достала его. Расстегнула чехол. Приложила к себе. Посмотрела. Шёлк тяжёлый, прохладный, льющийся между пальцами, как вода, бретельки-нитки, юбка чуть ниже колена. Под бриллианты, как нарочно, будто три года назад я уже знала, что когда-нибудь оно мне понадобится именно к этим серьгам.

Я приложила платье к серьгам, к зеркалу, к себе и ещё раз посмотрела. Идеально. Будто кто-то сверху смотрел на меня и решил: ну хватит уже, девочке тоже надо немного счастья. На, держи.

Внутри что-то пузырилось, шипело, поднималось как в бокале. Хотелось позвонить Игорю и заорать в трубку: «Я нашла, дурак, я всё нашла, я тебя люблю, слышишь?» Хотелось танцевать босиком по паркету, как в старых фильмах.

Но нет. Нельзя. Он же старался. Он же ждёт мою реакцию там, в ресторане, когда достанет коробочку. Я сяду напротив, я ахну, я заплачу так, будто вижу всё это впервые. И, может быть, мы наконец-то посмотрим друг другу в глаза.

Я аккуратно сняла серьги. Уложила обратно на белый атлас. Перед тем как закрыть коробочку, провела пальцем по бархату попрощавшись до вечера.

И вот тут я её увидела. Маленькую белую карточку. В бархатной коробочке под подушечкой, на самом дне, так аккуратно подсунутую, что глаз сначала её не зацепил. Я вытащила её двумя пальцами, поднесла к окну.

Несколько слов от руки. Почерк мужа я узнала бы из ста почерков, узнала бы их тысячи.

«С днём рождения, любимая.»

Вот оно. Не открытка с дежурным «с праздником, дорогая». Не букет, который он купил на бегу у метро. Не «давай поужинаем» сквозь зубы. А вот это спрятанное за рубашками, выбранное, оплаченное, продуманное, подписанное в конце концов. Он любит меня. Просто разучился показывать, как отвыкают говорить на языке, на котором долго не с кем разговаривать.

Я перевернула карточку. На обороте была написана дата. Но... вот только указано зам завтрашнее число.

Он напутал даты? Или....

Глава 2

Ресторан встретил меня тёплым золотистым светом и тихой мелодией саксофона, которая будто обволакивала музыкой. Я остановилась у входа на секунду дольше, чем нужно. Чтобы перевести дыхание и дать сердцу хоть немного успокоиться, потому что оно колотилось где-то в горле, а ладони, я чувствовала это сквозь тонкий шёлк сумочки, были влажные, как у школьницы.

Тридцать четыре года. Тринадцать лет брака. А я волнуюсь, как будто иду на первое свидание. Смешно, наверное. Если бы кто-то увидел меня сейчас со стороны, точно бы усмехнулся, мне было всё равно. Мне было так хорошо!

— Ваш столик, - улыбнулась хостес, и я пошла за ней по знакомому до боли залу.

Тот самый угол у окна. Та самая бордовая бархатная скамья вдоль стены, отполированная сотнями чужих спин. Тот самый витой подсвечник посередине, и две тонкие свечи в нём уже горели, и пламя слегка покачивалось от движения воздуха.

Игорь поднялся мне навстречу. И вот в эту секунду внутри у меня что-то сладко ёкнуло, потому что он смотрел на меня. Действительно смотрел. Не сквозь, не мимо, не поверх плеча в свой телефон, а прямо на меня. Скользнул взглядом по платью, по причёске. И уголок рта у него едва заметно дрогнул.

— Хорошо выглядишь, - сказал он.

Не «прекрасно». Не «потрясающе». Не «Кать, у меня сейчас сердце остановится». Просто — «хорошо». Но я вцепилась в это слово, как утопающий в соломинку. «Хорошо» это уже что-то. «Хорошо» это уже почти признание. После стольких лет, когда он вообще ничего не говорил, «хорошо» прозвучало как симфония.

— Спасибо, - выдохнула я и села напротив, чувствуя, как горят щёки.

Он заказал вино. Моё любимое, итальянское красное, терпкое, с послевкусием вишни и чего-то дубового, тёплого. Я даже не успела открыть рот, чтобы подсказать ему название, он сам сказал официанту. Помнил. Всё-таки помнил. Эти маленькие вещи, эти ничтожные, на чужой взгляд, мелочи для меня сейчас они были как огоньки, которые загорались один за другим вдоль тёмной дороги, по которой я брела последние годы.

— За тебя, - Игорь поднял бокал. - С днём рождения, Кать.

Хрусталь тонко звякнул. Я сделала глоток, и тепло прокатилось по горлу, по груди, разлилось где-то под ключицами. Я смотрела на него поверх бокала и думала: вот оно. Вот тот самый момент, ради которого я столько лет терпела. Молчание за завтраком. Скользящие поцелуи в щёку. Вечную его усталость, вечное «не сейчас, Кать, я устал». Вот ради чего всё это было. Чтобы однажды он снова посмотрел на меня вот так. Чтобы саксофон. Чтобы свечи. Чтобы серьги в коробочке.

Вот сейчас он скажет. Сейчас потянется через стол, накроет своей ладонью мою руку, как когда-то, и скажет что-нибудь такое, простое и важное, от чего у меня снова защежит в носу.

Мы заказали еду. Он все расспрашивал и расспрашивал! Словно мы пол года не виделись. Про маму, про Марка, про то, как у него дела в школе. Я отвечала и не узнавала свой собственный голос: он звучал светло, молодо, с какими-то забытыми смешливыми нотками. Я смеялась его шуткам, даже не очень смешным, и каждый раз ловила себя на том, что улыбка не сходит с моего лица, а только переползает с одного выражения на другое.

И вот, где-то между основным блюдом и десертом, Игорь вдруг отложил вилку, а промокнул губы салфеткой. Чуть выпрямился. И полез во внутренний карман пиджака.

У меня перехватило дыхание.

Он достал конверт. Белый, плотный, с тиснёным золотым уголком, плотно запечатанный. Положил его перед собой, помедлил, посмотрел на меня и в этом взгляде было что-то, чего я не успела разобрать, потому что мысли мои уже неслись далеко вперёд.

«Сейчас он откроет коробочку, — мелькнуло у меня. — И подарит мне серьги!! О боже мой это сейчас случится.»

Я заранее знала, как буду ахать. Как буду закрывать рот ладонью. Как буду смеяться сквозь слёзы и говорить: «Игорь, ну зачем, ну ты с ума сошёл, это же...» А он усмехнётся знакомо, чуть снисходительно, и скажет: «Тебе можно. Ты заслужила.» И впервые за долгие-долгие годы я ему поверю.

Я представила это так ярко, так до последнего движения детально, что почти услышала его голос.

— Это тебе, - сказал Игорь и подвинул конверт ко мне через стол.

Пальцы у меня дрожали. Я взяла конверт — и он показался мне до странного лёгким. Внутри что-то было твёрдое, прямоугольное и тонкое. Не бархатная коробочка. Не маленькая, с серьгами. Что-то плоское.

Я подняла на мужа глаза. Он смотрел на меня без улыбки. Внимательно. Будто экзаменовал. Будто наблюдал за реакцией мышки в лабораторной клетке.

— Открывай, - кивнул он.

Я надорвала край конверта. Аккуратно, чтобы не повредить, как будто это имело какое-то значение. Вытащила. И несколько секунд тупо смотрела на то, что держала в руках, не понимая.

Картонный прямоугольничек. Розовенький, глянцевый, дешёвый на ощупь. С нарисованной помадой, обведённой пунктирной рамочкой. Кудрявыми буквами, под которые косили под рукописные, было выведено: «Подарочный сертификат». Внизу сумма.. три тысячи рублей. И название магазина какая-то «Лаванда», улица, которую я даже не сразу узнала. Где-то на окраине. Спальный район. Я там была однажды, лет пять назад, заезжала к маминой подруге за банками для солений, и помню только серые девятиэтажки и магазин «Продукты 24» на углу.

Я перевернула карточку. Будто там, на обороте, могло быть что-то ещё. Какой-то ключ. Какая-то записка. «Шучу, любимая, смотри под салфетку.» Какая-нибудь подсказка. Какой-нибудь спрятанный смысл.

Ничего. Чистая обратная сторона. Только мелкими буквами условия использования и срок действия.

Внутри меня будто кто-то медленно открыл шлюз. И всё то тёплое, что плескалось весь вечер во мне до краёв, выпитое вино, саксофон, его «хорошо выглядишь»,

всё это тёплое начало вытекать. Куда-то вниз, под стол, в ножки стула, в холодный мрамор пола. Я физически чувствовала, как холодеют кончики пальцев. Как немеют губы.

— Спасибо, - сказала я. Голос вышел тонкий, чужой, как будто говорила какая-то другая женщина за моей спиной.

Я попыталась улыбнуться. Честно попыталась. Уголки губ дёрнулись и тут же опустились обратно, мышцы лица меня не слушались. Я положила сертификат на стол, рядом с бокалом, и не знала, куда деть руки. Сложила их на колени. Потом снова положила на стол. Потом снова на колени.

И тут до меня дошло.

Дата. Завтрашнее число на белой карточке. «С днём рождения, любимая.» Любимая. Не Катя. Не Катюш. Не «Кать, ну сколько можно». А «любимая». Тем самым почерком, которым он подписывал мне открытки в первый год нашей жизни, пока ещё подписывал. Округлые «о», эта характерная закорючка на «д».

Серьги были не для меня.

Я подняла на него глаза. И, наверное, в моём лице что-то изменилось потому что Игорь чуть подался назад, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, как будто отгоражи-

вался. Он посмотрел на меня так, как смотрят на надоевшего собеседника, от которого ждут предсказуемой, тысячу раз виденной сцены.

— Что? -спросил он. И в голосе у него прозвучало что-то такое, от чего у меня внутри окончательно оборвалось. - Не нравится?

Я молчала. Не могла произнести ни слова. В горле стоял ком размером с кулак, и я знала: открою рот и оттуда вырвется не голос, а что-то совсем другое. Я не дам ему этого. Только не здесь и только не сейчас.

Игорь усмехнулся. Коротко, сухо, одной половиной рта, и в этой усмешке было столько спокойного, привычного, отшлифованного годами превосходства, что я физически вжалась в бархатную спинку скамьи, как будто меня ударили.

— Что ж, я знал, - сказал он, глядя мне прямо в глаза. И не отводил взгляда, наоборот, держал его, как держат за подбородок ребёнка, чтобы тот не отвернулся. - Я знал, Кать, что ты будешь недовольна. Ты ведь всегда хочешь больше, чем заслуживаешь.

Свечи на столе дрогнули. Или это дрогнуло у меня в глазах я уже не понимала. Саксофон где-то под потолком всё играл свою мелодию, и мне вдруг подумалось, какая же это пошлая, какая же это до тошноты пошлая песня, и кто вообще решил, что под неё хорошо ужинать.

А он сидел, откинувшись, спокойный, чуть скучающий. И ждал моей реакции.

Глава 3

Я совсем не помню, как вышла из ресторана. Не помню, как мы добрались до машины, как ехали по ночному городу. Перед глазами всё плыло, огни фонарей размазывались в жёлтые кляксы, светофоры мигали где-то далеко, будто под водой. Муж вел машину а я смотрела в окно словно на автомате, и единственное, что держало меня на плаву, единственное, за что я цеплялась, — это мысль: «Коробочка. Надо найти коробочку.»

Может быть, я ошиблась. Или я что-то не так поняла. Может быть, серьги всё-таки для меня, просто он забыл их дома, а завтра утром достанет, улыбнётся виновато и скажет: «Прости, Кать, я совсем из головы выпустил». Может быть.

Мы въехали во двор нашего дома на скорости, от которой взвизгнули тормоза. Я вышла из машины первая и не оглядываясь побрела к подъезду. Ключи дрожали в руках, я не могла попасть магнитной таблеткой в маленькое гнездышко домофона. Я лишь думала об этой чертовой коробочке.

Лифт полз вверх мучительно медленно. Я считала этажи, зажав ладони в кулаки так сильно, что ногти впивались в кожу. Третий. Четвёртый. Пятый. Быстрее. Быстрее, чёрт возьми!

Квартира встретила меня темнотой и тишиной. Я не стала включать свет в прихожей, а рванула сразу в спальню, к шкафу. Распахнула дверцы так, что они ударились о стену с глухим стуком.

Рубашки. Его рубашки, выглаженные, развешенные на плечиках по цветам: белые, голубые, серые. Я раздвинула их трясущимися руками, заглянула на полку над штангой. Пусто. Только коробки из-под обуви и свёрнутый шарф, который он не носил уже года два.

— Где? - прошептала я в пустоту. - Ну где же де она?

Я опустила на колени перед комодом, выдвинула нижний ящик. Носки, аккуратно скатанные в шарики, ремни, запонки в бархатном футляре, те самые, что я дарила ему пять лет назад на годовщину, он ни разу их не надел. Перебрала всё. Перевернула. Ничего.

Следующий ящик. Документы, инструкции к технике, гарантийные талоны, старые чеки. Я перерыла всё, бумаги сыпались на пол, но коробочки не было.

Я встала, чувствуя, как подкашиваются ноги, и бросилась к его портфелю. Он стоял у кресла в углу, чёрный кожаный, всегда идеально застёгнутый. Я расстегнула молнию, запустила руки внутрь. Ноутбук, папка с документами, ежедневник, ручки.

Карманы пиджака. Я сняла его с вешалки, перетряхнула. Все не то!

— Где она?! - Голос сорвался на крик, и я не узнала его. Он был хриплый, отчаянный, почти звериный.

Я обернулась. Игорь стоял в дверях спальни, прислонившись плечом к косяку. Он был уже в домашних брюках и футболке, босиком. Пока я рыскала по шкафам он значит спокойно зашел домой, переоделся и как ни в чем небывало собрался спать! Смотрел на меня спокойно, даже с лёгким любопытством, как смотрят на что-то интересное, но не особенно важное.

— Ты что делаешь? - спросил он ровным голосом.

— Коробочка, - выдохнула я, подходя к нему. - С сережками. Где она? Игорь, где коробочка?

Он поднял брови. Удивлённо, почти наигранно.

— Какая коробочка, Кать?

– Ты знаешь какая! - Я схватила его за рукав. - Бархатная, синяя, от ювелирного. Я видела её в шкафу. Вот здесь, - я ткнула пальцем в сторону шкафа. - Сегодня днём видела!. Где она?!

– Кать, - сказал он наконец. - Сядь.

– Я не хочу садиться.

– Сядь, пожалуйста.

– Я. Не. Хочу. Садиться. - Я говорила сквозь зубы, потому что иначе разрыдалась бы. - Ответь на вопрос. Один вопрос, Игорь. Где коробочка с серьгами?

Он вздохнул. Длинно, устало. Потёр переносицу двумя пальцами, этот его жест я знала наизусть, он делал так, когда разговаривал по телефону с подчинёнными, которые срывали сроки.

– Никакой коробочки не было, - сказал он.

Я замерла. У меня даже дыхание перехватило на секунду.

– Что?

– Не было никакой коробочки, Кать. - Он говорил очень спокойно, очень ровно, чеканя каждое слово. - Ты ничего не видела в шкафу, потому что её там не было.

– Была. - Я задыхнулась. - Она там была, Игорь, я её видела своими глазами! Синий бархат, золотой логотип, я даже название прочитала «Аркадия», это тот самый магазин в центре...

– Кать.

– ...и я держала её в руках! Я открывала её! Игорь, я её открывала, понимаешь?! Внутри были серьги, белое золото, с бриллиантами, с капельками...

– Кать. - Он повысил голос. Не сильно. Ровно настолько, чтобы я замолчала. - Послушай меня.

Я замолчала. Я стояла посреди спальни, среди раскиданных бумаг и одежды, и трясла головой, и чувствовала, как по щекам текут слёзы, хотя я не помнила, когда начала плакать.

– Никакой коробочки. Не было. - Он произносил слова медленно, как объясняют что-то очень простое. - Я не покупал никаких серёг. Ни тебе, ни кому бы то ни было ещё. Ты это придумала.

Он молчал. Смотрел на меня долго, изучающе, и в глазах его я вдруг увидела что-то новое, что-то холодное.

– Кать, - сказал он наконец очень тихо. - Тебе нужно успокоиться.

– Я спокойна! - закричала я, и голос дрожал от слез. - Просто скажи мне, где она! Для кого эти серьги?!

Игорь вздохнул. Длинно, устало, как вздыхают над непослушным ребёнком, который никак не хочет понять простых вещей. Он отстранился от косяка, прошёл мимо меня на кухню. Я бросилась за ним.

Он включил свет. Достал из шкафа стакан, налил воды из кулера медленно, методично. Выпил несколько глотков, не торопясь. А я стояла в дверях, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, горячий узел.

– Игорь, - прошептала я. - Пожалуйста.

Он поставил стакан на стол. Обернулся ко мне. И улыбнулся. Мягко. Почти сочувственно.

– Дорогая, - сказал он, и в голосе прозвучала такая невыносимая снисходительность, что по спине пробежал холодок. - Я уже звонил твоей маме. Мы решили показать тебя хорошему психиатру.

Я замерла. Слова доходили до меня медленно, словно через толщу воды.

– Что?

– Это не первый твой эпизод, - продолжал он всё тем же ровным, терапевтическим тоном. - Помнишь? Ты же сама говорила мне, что тебе иногда кажутся вещи, которых нет. Что ты путаешь реальность с...

– Какие эпизоды?! - Я шагнула к нему, и ноги подкосились. Я схватилась за край стола.
- О чём ты говоришь?! Я никогда...

– Катя. - Он подошёл ближе, протянул руку, будто хотел успокоить, но я отшатнулась. - Тебе нужна помощь. Я волнуюсь за тебя. Мы все волнуемся. Твоя мама тоже. Она сказала, что заметила изменения ещё полгода назад, но боялась говорить. Это нормально, дорогая. Сейчас есть хорошие препараты, ты быстро пойдёшь на поправку.

Я смотрела на него, и в ушах нарастал звон. Высокий, пронзительный, будто где-то далеко кто-то дёргал за тонкую струну, и она вибрировала, готовая лопнуть.

– Я... - начала я и осеклась. - Ты... ты всё придумал. Это неправда.

– Конечно, дорогая. - Он кивнул, как кивают безумцам. - Конечно. Давай ты сейчас ляжешь, отдохнёшь, а утром мы всё спокойно обсудим. Я уже договорился о приёме. После завтра, в десять утра. Мне посоветовали очень хороший специалиста. Он тебе поможет.

Я медленно покачала головой. Раз. Другой. И вдруг поняла, что не могу остановиться.

– Нет, - прошептала я. - Нет. Нет. Нет.

А Игорь стоял передо мной, спокойный, уверенный, и в его глазах я не видела ничего. Совсем ничего. Ни тепла, ни злости, ни вины.

Глава 4

— Нет, - повторила я, и голос звучал чужим, далёким. - Нет, это неправда.

Игорь сделал шаг ко мне, и я инстинктивно отступила, ударившись спиной о дверной косяк. Боль пронзила позвоночник, но я её почти не почувствовала. Всё моё существо сжалось в одну точку, в одну мысль: это неправда, он врёт, он просто врёт.

— Катя, послушай, - он говорил мягко, осторожно, как говорят с ребёнком, который вот-вот устроит истерику. - Помнишь, три недели назад ты мне рассказывала, что купила новое платье? Синее, с белым воротничком. Ты даже описывала, как примеряла его в магазине, как долго выбирала размер.

Я молчала. Сердце билось где-то в горле такое огромное, тяжёлое.

— Я ждал, когда ты его наденешь, - продолжал он, наклонив голову набок, изображая озабоченность. - Ждал неделю. Две. Потом спросил тебя, и знаешь, что ты ответила?

Я медленно покачала головой. Я не помнила никакого платья.

— Ты посмотрела на меня как на сумасшедшего, - Игорь усмехнулся грустно, почти жалостливо. - Сказала, что никакого платья не покупала. Что я, наверное, с кем-то перепутал, но ты же сама мне о нём рассказывала, Катя. Сама. Полчаса рассказывала, какое оно красивое.

— Я... я не помню, - прошептала я, и слова застряв в горле, царапали изнутри. - Может, я просто... хотела купить, но не купила, а потом забыла...

— А торт? - Игорь перебил меня. Мягко, но решительно. - Помнишь торт?

Я вздрогнула. Какой торт? О чём он?

— Месяц назад, в субботу, - он говорил медленно, отчётливо, и я видела, как он наслаждается каждым словом. - Ты позвонила мне на работу, взволнованная и счастливая. Сказала, что испекла торт, твой фирменный медовик, и очень ждёшь, когда я приду, чтобы попробовать. Я специально приехал пораньше, и знаешь что?

Нет. Нет, нет!

— Никакого торта не было, Катя. - Его голос стал почти шёпотом, интимным.. - Ты встретила меня в прихожей, удивлённая, почему я так рано. Я спросил про торт, а ты не поняла, о чём я. На кухне было пусто. Ни мисок, ни следов муки, ничего. Ты смотрела на меня так... - он замолчал, изобразив на лице боль. - Так испуганно. И я тогда промолчал. Решил, что ты просто устала, переутомилась. Но теперь...

Комната поплыла. Стены качнулись, пол ушёл из-под ног. Я схватилась за край стола, чувствуя, как пальцы скользят по холодной поверхности.

— Но ведь это неправда, выдохнула я. - Ты придумываешь. Ты всё это придумываешь!

— Катя, - Игорь достал телефон из кармана, - давай позвоним твоей маме. Сейчас. И спросим у неё.

— Нет, - я попыталась выхватить у него телефон, но он отстранился, поднял руку выше. - Не надо, не звони ей, пожалуйста...

Но он уже нажимал на экран. Я слышала длинные гудки, один, второй, и каждый отдавался в висках, словно удар молота.

— Алло? - Голос моей мамы, сонный, встревоженный. - Игорь? Что случилось?

Он включил громкую связь. Протянул телефон между нами, как вещественное доказательство.

— Галина Петровна, извините, что так поздно, - он говорил виноватым тоном, и это было так фальшиво, так отвратительно, что меня замутило. - Просто Катя... у неё снова началось. Она ищет какую-то коробочку с серёжками, утверждает, что видела её в шкафу. Я пытаюсь объяснить, что ничего не покупал, но она не слушает.

Молчание. Долгое, тягучее. Я смотрела на телефон, и внутри всё сжималось, превращалось в ледяной ком.

— Господи, - выдохнула мама, и в её голосе я услышала то, чего так боялась. Не удивление или недоверие, а жалость. Горькую, безграничную жалость. - Опять? Игорь, милый, я же говорила тебе, что нужно было раньше к врачу. Я ещё полгода назад заметила, что с Катенькой что-то не то.

— Она звонила мне, - продолжала мама, и каждое слово падало в меня, как камень. - Рассказывала такие странные вещи. Про соседку, которая будто бы следит за ней через глазок, и про какие-то следы на двери. Я тогда подумала, что она просто переутомилась, но теперь...

— Мама, - я схватила телефон из рук Игоря, поднесла к губам, и голос сорвался на крик. - Мама, ну это же неправда! Я никогда... я не говорила тебе ничего такого! Мама, пожалуйста, скажи ему, что это неправда!

— Катюш, - мама говорила мягко, осторожно, как с больным ребёнком. - Милая моя, но ты ведь говорила. Ты мне звонила в слезах, я даже хотела приехать к тебе, но ты запретила, сказала, что справишься сама.

Я трясла телефон, будто это могло что-то изменить.

— Нет, мама, я не... я никогда... почему вы все врете?

— Галина Петровна, мы завтра поговорим, - Игорь осторожно забрал у меня телефон. Я была так потрясена происходящим, что не сопротивлялась. Сил не было. - Спасибо вам. Спокойной ночи.

Он завершил разговор и положил телефон на стол. Наконец посмотрел на меня, и в глазах снова был этот холод и пустота.

— Видишь? - сказал он тихо. - Даже твоя мама это подтверждает.

Я стояла посреди кухни, и внутри была пустота. Огромная, ледяная пустота, которая разрасталась, заполняла всё, вытесняла воздух из лёгких.

А может, они правы? Может, я действительно... может, я схожу с ума, и просто не замечаю этого? Может, коробочки никогда не было, а я её выдумала, как то платье, как торт, как всё остальное?

— Иди спать, - Игорь коснулся моего плеча, и я вздрогнула от прикосновения. - Тебе нужен отдых. Завтра всё будет яснее.

Я машинально кивнула, оазвернулась и пошла в спальню, как сомнамбула. Легла в постель, не раздеваясь, натянула одеяло на голову и закрыла глаза, но сон не шёл.

Я лежала в темноте, слушая, как Игорь ходит по квартире. Вода в ванной. Скрип половиц. Щелчок выключателя. А потом тишина.

Часы на тумбочке светились зелёным: 01:47. Я не спала, просто не могла. Я была так потрясена событиями вечера, что мне было сложно их переварить. В голове крутились обрывки разговора, мамин голос, слова Игоря. И этот холод внутри, который не давал вздохнуть.

02:23.

Я сбросила одеяло. Встала и босиком, бесшумно прошла по коридору. Игорь спал в гостиной на диване, так он делал последние месяцы, говорил, что я храплю, мешаю ему отдыхать. Сейчас я была благодарна ему за это.

Я прошла на кухню. Включила свет над плитой, самый тусклый. И огляделась.

Катя, тебе нужно успокоиться, выпить воды и подумать. Может, действительно нужно к врачу, может, со мной что-то не так...

Взгляд зацепился за верхний шкафчик слева от холодильника. Там я всегда держала аптечку.

Я потянулась, открыла дверцу. Достала коробку и поставила на стол. Обычная белая коробка с красным крестом. Внутри всё как обычно: бинты, пластыри, зелёнка, активированный уголь. Но среди этих привычных медикаментов выделялась яркая коробочка незнакомых мне таблеток. Я взяла коробочку и покрутила в руках.

Внутри находился белый пластиковый бутылек.. Никогда не видела его раньше.

Дрожащими пальцами я взяла его и повернула к свету.

Так стоп! Секунду! Если все, о чем говорят Игорь и мама правда, то должно ведь быть заключение врача!

Я положила бутылек обратно в коробку и пошла в кабинет. Там в шкафу рядами стояли папки скоросшиватели для каждого члена семьи, внутри которых в хронологическом порядке находились все документы, заключения врача и прочие полезные бумажки.

Такую систему я ввела в то время, когда ребенку диагностировали астму и пока искали подходящего пульмонолога постоянно приходилось с самого начала рассказывать врачу анамнез.

Я достала папку со своим именем и взгляд замер на последнем документе. Дата - две недели назад. В имени пациента - мое имя: Екатерина Сергеевна Волкова.

Ниже, в графе «диагноз»: «тревожно-параноидное расстройство». На заключение стояла печать врача.

Глава 5

Прижав папку с бумагами к груди я медленно опустилась на стул и иот ужаса всей ситуации мне хотелось кричать. Кричать от обиды и непонимания. Но губы мои были сжаты, и наружу не вырывалось ни звука.

Судя по этому заключению, две недели назад я была у психиатра, но я совсем не помню этого. Совсем. Ни дороги в клинику, ни разговора с врачом, ни того, как получала это заключение. Пустота. Чёрная дыра в памяти. А точно ли я там была?

Я еще раз вчиталась в текст: "тревожно-параноидное расстройство", "требуется медикаментозная терапия", "рекомендовано наблюдение". Подпись врача размашистая, неразборчивая. Печать круглая, синяя, вполне официальная.

Нет. Что-то здесь не так.

Я встала, прислонившись к шкафу. Ноги подкашивались, но я заставила себя дышать. Медленно. Глубоко. Если это правда, то почему я совсем ничего не помню? Если это ложь, то как они это подделали?

Взгляд упал на часы: 03:15. Через несколько часов начнётся утро. Обычное утро, где Игорь будет улыбаться своей холодной улыбкой, мама жалеть меня по телефону, а я сходить с ума от неизвестности.

Ну уж нет! Я должна во всем разобраться. Не понимаю еще вот что... если это все не правда, тогда зачем разыгрывать этот спектакль?

Я сфотографировала заключение на телефон, аккуратно вложила документ обратно в папку и вернула её на место. Потом вернулась в спальню, легла и закрыла глаза, изображая сон. Но внутри всё горело. План формировался сам собой, чёткий и ясный: завтра, как только Игорь уйдёт на работу, а сын в школу, я найду независимого врача. Того, кто не знает ни Игоря, ни мою семью. И узнаю правду.

Утро тянулось мучительно долго. Моя мама привезла домой Марка, чтобы тот успел захватить все для школы. Я делала бутерброды, улыбалась Марку, кивала Игорю. Как и каждый день, я вновь надела маску покорности и спокойствия, хотя под рёбрами билось что-то дикое и отчаянное.

– Как спала? - как бы между прочим спросил Игорь, наливая себе кофе.

– Нормально, - соврала я, и голос прозвучал ровно. - Ты был прав, мне просто нужен был отдых.

Он посмотрел на меня изучающе, задержал взгляд на секунду дольше, чем нужно. Потом кивнул:

– Вот и хорошо. Береги себя.

Поцеловал меня в макушку, и я еле сдержалась, чтобы не отшатнуться. Запах его одеколona, когда-то такой родной, теперь вызывал тошноту.

Когда за ним закрылась дверь, я выдохнула. Марк одевался, параллельно листая что-то в телефоне.

– Мам, я пошёл, - наконец пробормотал он, не поднимая глаз.

– Марк, - я коснулась его плеча, и он странно вздрогнул. - Всё в порядке?

– Да, - буркнул он, стряхивая мою руку. - Всё нормально.

Но это показалось мне совсем не нормальным. Что-то в его глазах, в том, как он сжался, уходя от прикосновения, кольнуло меня тревогой, но времени разбираться не было.

– Увидимся вечером, - сказала я, и он кивнул, выскальзывая за дверь.

Клиника находилась на другом конце города. Я специально выбрала ту, о которой ничего не слышала раньше, нашла в интернете первую попавшуюся с хорошими отзывами. Записалась онлайн на ближайшее время через час.

Сидя в такси я все думала о поведении моего мужа, о своем “диагнозе”, о котором я до вчерашнего дня понятия не имела. А может, я действительно больна?

Нет, Катя! Даже не думай так. Сейчас ты все узнаешь.

Приёмная была светлой, пахло антисептиком и кофе. Администратор улыбнувшись поприветствовала:

– Волкова Екатерина? Доктор Климов вас ждёт, третий кабинет.

Врач оказался мужчиной лет пятидесяти, с седеющими висками и внимательными карими глазами. Он жестом пригласил меня сесть и сложил руки на столе:

– Слушаю вас.

Я рассказала о событиях последних дней. Про коробочку с серёжками, которую никто не видит, платье и торт, которых я не помню, мамин голос в телефоне, заключение, которое нашла ночью. Я говорила быстро, сбивчиво, и чувствовала, как внутри нарастает паника: а вдруг он тоже скажет, что я больна?

Доктор Климов слушал молча, изредка кивая. Потом задал несколько вопросов: как я сплю, есть ли галлюцинации, слышу ли голоса. Попросил выполнить простые тесты: нарисовать часы, повторить слова, решить логические задачки.

Когда всё закончилось, он откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

– Екатерина, - сказал он медленно, - я не вижу никаких признаков психического расстройства. Вы встревожены, это да. Находитесь в стрессе? Безусловно! Но тревожно-параноидного расстройства у вас нет.

Воздух ворвался в лёгкие так резко, что закружилась голова.

– То есть... я не больна?

– Нет, - он покачал головой. - По крайней мере, ничего такого, что требовало бы медикаментозного лечения. Но я бы порекомендовал вам обратиться к психологу, заметьте, не психиатру, а именно психологу. Похоже, вы переживаете серьёзный эмоциональный кризис. Возможно, связанный с семейной ситуацией.

Я сидела, и внутри разливалось что-то горячее, обжигающее. На первый взгляд казалось бы несопоставимые вещи, облегчение и злость.

– Спасибо, - выдохнула я. - Спасибо вам.

Он протянул мне визитку психолога, и я сжала её в кулаке, как талисман.

Обратная дорога прошла в тумане. Я не помнила, как доехала до дома, как поднялась по лестнице. Помнила только одно: я не сумасшедшая. Игорь лжёт, а мама ошибается. Или он ее обманул. Или...

Мысли путались, но одна билась в висках, чёткая и ясная: я буду бороться.

Дома было тихо. Я сбросила обувь, прошла на кухню, поставила чайник. Руки всё ещё дрожали, но уже не от страха, а от ярости. Как он посмел? Как они все посмели?

В половине пятого вернулся Марк. Я услышала, как открылась дверь, как он бросил рюкзак в прихожей. Обычно он сразу шёл на кухню, требовал поесть, болтал о школе. Но сегодня он прошёл мимо, не поздоровавшись.

– Марк? - окликнула я.

Он остановился в дверях своей комнаты, обернулся. Лицо бледное, губы поджаты.

– Привет, - бросил он коротко.

– Как дела в школе?

– Нормально.

– Будешь ужинать?

– Не хочу.

Он шагнул в комнату, но я поймала его за руку:

– Марк, подожди. Что-то случилось?

– Ничего, мам, - он попытался высвободиться, но я держала крепко.

– Сынок, пожалуйста, поговори со мной.

Он дёрнулся сильнее, и куртка сползла с плеча. Я машинально потянулась, чтобы поправить и вдруг замерла.

Футболка под курткой съехала, обнажив край спины. И на бледной детской коже, между лопаток, я увидела синяки.

Ровный ряд синяков круглых, тёмных, почти чёрных. Словно кто-то методично, один за другим, ставил отметины.

Кольнуло в сердце, мне было физически больно на это смотреть.

– Марк, - голос сорвался на шёпот. - Что это?

Он резко дёрнулся, натягивая футболку, и посмотрел на меня, и в его глазах был такой страх, такой животный, первобытный ужас, что внутри всё оборвалось.

– Ничего, - прошептал он. - Мам, это ничего.

– Кто тебя бьет? - Я присела перед ним на корточки, взяла за плечи. - Марк, умоляю, скажи мне, кто?

Он молчал, губы задрожали. Слёзы навернулись на глаза, но он сжал веки, не давая им пролиться.

– Марк, пожалуйста, - я гладила его по щекам, и сама чувствовала, как слёзы текут по моему лицу. - Я же твоя мама. Я защищу тебя. Ну скажи мне.

Он всхлипнул. Потом наклонился ближе, и его губы коснулись моего уха:

– Мам, если я расскажу, - прошептал он, и в голосе был такой ужас, что мурашки побежали по коже, - он сказал, тебе нездоровится..

Глава 6

Ночью я никак не могла уснуть. Лежала рядом с Игорем, слушала его ровное, спокойное дыхание и смотрела на стену, где тени от уличных фонарей складывались в причудливые узоры. Рядом со мной спал человек, который зачем-то пытается доказать мне, что я сумасшедшая. Спал спокойно, как праведник. А я лежала и еле сдерживалась, чтобы не скинуть с него одеяло и не закатить скандал.

Но все таки сердце мое болело не от этого. Марк. Мой маленький Марк, который ещё год назад прибежал ко мне, чтобы я подула на разбитую коленку, сегодня пришел избитый и передал чьи-то ужасные слова: «тебе непоздоровится».

Эти слова крутились у меня в голове по кругу, как заевшая пластинка. Кто? Кто посмел сказать моему ребёнку такое? Кто посмел поднять на него руку семь раз Семь раз! Я считала эти синяки, считала, и каждый отпечатывался в моей памяти, как клеймо.

К пяти утра я придумала, что буду делать. Я прямо с утра поеду в школу, к первому уроку. Я не уйду оттуда, пока не узнаю, кто издевается над моим сыном.

В шесть тридцать я уже была на ногах. Поспать мне так и не удалось. Сварила кофе, который пить не смогла, и просто сидела, грея руки о чашку. Спустила пол часа, когда Игорь вышел на кухню, я выдавила улыбку и подвинула ему тарелку с яичницей.

– Сегодня раньше встала, - заметил он, листая ленту новостей на планшете. - Что-то планируешь?

– Хочу заехать в торговый центр, - я отвернулась к раковине и принялась намыывать чашку от кофе, чтобы он не увидел моего лица. - Может, всё-таки потрачу твой подарок.

– Умница, - он отхлебнул кофе. - Видишь, как полезно отдохнуть. Сразу мысли в порядок пришли.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. В груди kloкотало что-то такое, что одного неверного слова хватило бы, чтобы я бросилась на него с кулаками, но я сжала зубы и улыбнулась. Улыбнулась, как улыбалась все эти годы. И впервые поняла, насколько хорошо я научилась притворяться.

Когда дверь за ним закрылась, я опустила на стул и несколько минут просто сидела, тяжело дыша. Потом встала, подошла к комнате Марка.

Он ещё спал, свернувшись клубочком под одеялом. Его лицо во сне казалось совсем детским, беззащитным. Я стояла в дверях и смотрела на него, а мое сердце сжималось так, что становилось трудно дышать.

Я узнаю правду, сынок! Я не дам тебя в обиду!

Школа встретила меня привычным гулом. Дети галдели в раздевалке, родители торопливо прощались, охранник у турникета лениво проверял пропуски. Я прошла мимо всех, чувствуя, как начинает крутить живот от волнения.

Марк шёл рядом, опустив голову. Он не сказал мне утром почти ни слова. Только вздрогнул, когда я предложила сама отвести его в школу, словно я предлагала ему что-то страшное.

– Мам, не надо, - пробормотал он у самых дверей. - Пожалуйста.

– Надо, сынок, - я сжала его руку. - Мне нужно поговорить с Анной Викторовной.

Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах ту же панику, что и вчера. Будто я собиралась сделать что-то непоправимое.

– Мам, не надо, - повторил он шёпотом. - Только хуже будет.

Эти слова резанули меня по живому. Только хуже будет. Откуда десятилетний ребёнок знает такие фразы? Откуда у него этот взгляд полный безысходности и боли?

– Иди в класс, - я наклонилась и поцеловала его в макушку. - Я просто поговую. Обещаю, тебе ничего не будет.

Он кивнул, но я видела, что он мне не совсем верит.

Я подошла к расписанию, чтобы отыскать в каком кабинете сейчас классный руководитель моего сына. Мне повезло, она вела урок как раз у нашего 4"Б".

Поднявшись на второй этаж я отыскала нужный кабинет и, постучав пару раз для приличия, приоткрыла дверь. Анна Викторовна стояла у доски, что-то записывая. Несколько учеников уже сидели за

партами, шептались, листали учебники. Я нашла глазами Марка, он сидел у окна, опустив голову, и водил пальцем по краю парты.

– Анна Викторовна, - позвала я. - Можно вас на минуту?

Она обернулась. И я увидела короткое, мгновенное замешательство. Будто она надеялась, что я не приду.

– Екатерина Сергеевна, - она натянуто улыбнулась. - Доброе утро. У меня сейчас урок начинается, может быть...

– Анна Викторовна, это срочно, - я подошла ближе. Дети притихли, прислушиваясь. - Буквально пять минут. Может выйдем в коридор?

Я видела, как она колебалась, её взгляд метнулся к двери, потом к классу, потом к часам на стене. Наконец она кивнула и вышла за мной.

В коридоре уже было пусто, звонок только что прозвенел. Я повернулась к ней, и слова посыпались сами собой:

– Анна Викторовна, вчера я обнаружила у Марка множественные синяки на спине, как от ударов. Он не говорит, кто это сделал, но это явно произошло в школе. Что у вас тут происходит?

Она побледнела. По-настоящему побледнела, кровь отхлынула от её лица так, что я увидела веснушки, которых раньше не замечала. Но через секунду она уже взяла себя в руки.

– Екатерина Сергеевна, мальчики в этом возрасте, знаете ли, бывают активные. Возможно, на физкультуре что-то...

– Это не от физкультуры, - я смотрела ей прямо в глаза. - Я что не отличу удары кулаком от ударов от, например, мяча. Да и что вообще значит синяки от физкультуры? У вас вообще за детьми не смотрят?

Она проигнорировала мою последнюю фразу.

– Я не видела никаких драк в классе, - она отвела взгляд.

– А вне класса? На переменах? После уроков?

– Знаете, дети сейчас сложные. Бывают конфликты, недопонимания...

– Анна Викторовна! - я повысила голос, и она вздрогнула. - Моего сына кто-то избивает в школе. У него на спине семь синяков. Семь! И он боится сказать, кто это сделал. Так боится, что сегодня умолял меня не приходить сюда. Вы классный руководитель. Вы обязаны знать, что происходит в вашем классе. Это ваша прямая обязанность!

Она молчала. Сжимала и разжимала пальцы, вцепившись в край блокнота, который держала. И старалась не смотреть на меня.

– Я... давайте мы организуем разговор. С завучем, со школьным психологом. Я постараюсь на этой неделе...

– На этой неделе?! - я задохнулась. - Вы серьёзно? Моего сына бьют, а вы предлагаете подождать?

– Екатерина Сергеевна, у меня сейчас урок, - она наконец подняла глаза, и я увидела в них мольбу. Самую настоящую мольбу. - Прошу вас, не здесь. Не сейчас. Я... я свяжусь с вами. Обещаю.

И она скользнула обратно в класс, плотно прикрыв за собой дверь. Я стояла, глядя на эту дверь, и не могла поверить тому, что только что услышала.

Она боялась. Учительница с двадцатилетним стажем боялась говорить со мной. И это было не тем страхом, что бывает у людей, которым стыдно за свою халатность. Это было что-то другое.

Кто-то напугал ее.

Я спустилась вниз как в тумане. В голове гудело, ноги не слушались. Прошла мимо охранника, не ответив на его вежливое «всего доброго». Толкнула тяжёлую дверь и вышла на крыльцо.

Зимний воздух обжёг лицо, и я наконец смогла вдохнуть полной грудью. Я стояла, опираясь на перила, и смотрела на школьный двор, где мамочки увозили на санках младших, где носились старшеклассники с рюкзаками, где жизнь шла своим чередом. А внутри меня всё трескалось.

Я медленно пошла к парковке. Машина стояла в дальнем углу, я специально припарковалась подальше, чтобы пройтись, выдохнуть. Сейчас этот путь казался бесконечным.. Я уже почти дошла до машины, когда сбоку, между чужими автомобилями, мелькнула фигура. Я машинально обернулась и увидела пожилую женщину в синем рабочем халате под расстёгнутой курткой. Она была из тех незаметных, но таких важных женщин, кто по утрам моет полы и собирает забытые варежки в раздевалке.

Она смотрела прямо на меня.

– Девушка, - позвала она негромко. - Подождите.

Я остановилась. Она быстро подошла, оглядываясь по сторонам, как будто ждала, что её сейчас за это накажут. Лицо у неё было простое, морщинистое, с покрасневшим от мороза носом.

– Вы - мама Марка из четвёртого «Б»? - спросила она.

– Да, - выдохнула я. - Да, я.

Она ещё раз обернулась. Посмотрела на школьное крыльцо. Потом на дорогу. Потом снова на меня, и в её взгляде я увидела что-то такое, отчего сердце ёкнуло.

– Я все видела, - сказала она тихо, почти шёпотом. - Я видела, кто бьёт вашего мальчика.

Глава 7

У меня внутри всё оборвалось.

– Кто? - голос сел. - Кто, скажите, ради Бога...

– Из параллельного класса парень, - она говорила быстро, отрывисто, словно боялась, что её сейчас прервут. - Высокий такой, темноволосый. Артём, кажется. Я несколько раз видела. То в коридоре у туалета, то на лестнице чёрного хода. Один раз увидела в раздевалке после физкультуры. Мне кажется, он его специально подкарауливает.

– Артём... - я повторила имя, пытаюсь безуспешно вспомнить мальчиков из параллели. - А учительница что?

И вот тут лицо женщины изменилось. Она вдруг скривилась поджала губы и снова воровато оглянулась.

– А вот это, девушка, самое странное, - сказала она ещё тише. - Я ведь к ней подходила. Один раз сказала: вон в коридоре мальчишки дерутся, разнимите. А она... она сделала вид, что не услышала. Просто прошла мимо. И в другой раз так же. Будто ей кто-то приказал не вмешиваться. Я уж сорок лет в школах работаю, всякое видала. Но такого... такого не было.

Меня так поразил ответ, что я смотрела на эту женщину и не могла найти слов.

– Спасибо, - выдавила я. - Спасибо вам огромное. Как вас зовут? Я могу как-то...

– Никак, - она шагнула назад, замахала рукой. - Я вам ничего не говорила, поняли? Ничего. У меня внуки в этой школе, мне работа нужна. Если кто узнает, что я с вами разговаривала...

– Я никому не скажу, - быстро пообещала я. - Клянусь.

Она кивнула и пошла прочь, прижимая к себе ведро. Маленькая, сгорбленная фигура в синем халате, исчезающая за углом школы.

Я не помнила, как доехала до дома.

В голове билась лишь одна мысль: кто же этот Артем? И как это узнать? Классный руководитель тут не помощник, это она мне ясно дала понять. Тогда что?

Вообще по хорошему надо сходить к директору и во всем разобраться. И обсудить с Игорем. С ним поход к директору будет убедительнее.

Игорь вернулся в десять вечера. Я ждала его на кухне. Не убирала посуду, ничего не прибавала, просто сидела за пустым столом, под включенной лампой.

– Что-то случилось? - он бросил пиджак на стул, увидев меня. - Чего сидишь в темноте?

Я смотрела, как он наливает себе минералку. Такой спокойный и аккуратный, что сейчас, именно сейчас мне почему-то стало жутко.

– Игорь, кто-то из параллельного класса бьет Марка.

Он остановился. Стакан в его руке замер на пути ко рту, потом все же продолжил движение. Он сделал глоток. Всё это заняло долю секунды, но я заметила, что он пытается скрыть какую-то эмоцию. Что это? Страх?

– И что? - он сел напротив меня. - Узнала кто это?

– Нет, - призналась я. - Знаю только имя. Какой-то Артём из параллельного класса. Учительница в школе подробности не говорит, мол боится. Уборщица и та шёпотом рассказывала, оглядывалась, будто гос тайну разглашает.

Я говорила быстро, путаясь, и слышала, как звенит мой собственный голос. Слёзы подступали, но я их сдерживала.

– Игорь, я прошу тебя. Поехали со мной завтра в школу. Сядь напротив директора, напротив Анны Викторовны. Скажи: разберитесь, назовите нам фамилию. Меня одну они отшивают. Тебя не отошлют.

Я смотрела на него и ждала. Внутри у меня всё дрожало. Я была уверена, сейчас он встанет, обнимет меня, скажет: «Конечно, Кать, едем».

Он молча отпил воды.

– Не поеду.

Слово упало между нами, как камень в воду.

– Что?..

– Не поеду, Кать, - он отставил стакан. - И тебе не советую раздувать. Ну, подумаешь синяки. Ну, подрались. Мальчишки, что ты хочешь. Я тоже в школе дрался. Это нормально, это часть взросления.

– Часть взросления? - у меня перехватило дыхание. - Игорь, ты вообще понимаешь, о чём ты говоришь? Это не «подрались». Это один и тот же мальчик каждый раз бьет нашего сына. Который дрожит при одном упоминании его имени. Это настоящая травля.

– Значит, надо учиться давать сдачи, - он пожал плечами. - Я с ним поговорю. Объясню, что мужик должен уметь постоять за себя. Хватит уже трястись над ним, как над хрустальной вазой. Ничего с ним не станется. Он же мужик.

Он же мужик.

Я сидела и смотрела на этого человека, с которым столько лет прожила, который держал моего новорожденного сына на руках, учил его кататься на велосипеде, читал ему «Колобка» перед сном, изображая разные голоса. И этот же человек сейчас сидел напротив меня и говорил мне, что не пойдёт защищать своего ребёнка. Потому что «он же мужик».

– Игорь, - я едва сдерживала слёзы. - Ему десять лет. Всего десять. Его методично избивает другой ребёнок. И никто не хочет назвать фамилию. Классный руководитель молчит. Тебя это вообще не настораживает?

Он чуть прищурился. И я снова увидела, всего на долю секунды, что-то странное в его лице. Не удивление, нет. Совсем не удивление.

– А что меня должно настораживать, Кать?

– Что в школе молчат о травле нашего сына, что учительница боится. Наш сын в синяках! Игорь, неужели ты не видишь в этом проблемы? Тебе это не кажется странным?

– Мне кажется странным, - Игорь говорил спокойно, почти лениво, - что моя жена всю неделю проводит в каких-то детективных фантазиях вместо того, чтобы заниматься семьёй. Никто никого не запугивал. Просто все понимают, что это детское дело. Просто все хотят жить своей жизнью. А ты раздуваешь.

– Я не раздуваю.

– Ты раздуваешь, Кать. И ты сама прекрасно это знаешь. Помнишь, что доктор говорил. Я замерла.

– Какой доктор?

– Тот, к которому ты ходила. Полгода назад. Помнишь?

– Я не ходила ни к какому доктору полгода назад.

Он медленно посмотрел на меня. С усталостью, даже с жалостью. С тем самым, особенным выражением лица, которое я уже видела после истории с серёжками, после истории с подарком на день рождения.

– Ну вот, опять, - тихо сказал он. - Опять не помнишь.

И в этой тихой фразе было всё. Всё, что мне нужно было понять.

Я встала. Не доверяя своему голосу. Не доверяя своим рукам. Просто встала и пошла из кухни.

– Кать, - он окликнул меня в спину. - Завтра не ходи в школу. Я тебя прошу. Сделаешь только хуже себе и Марку.

Я остановилась в дверях. Не оборачиваясь.

– А если пойду? - спросила я тихо.

Долгая пауза.

– Не ходи, - сказал он. - Пожалуйста.

Это «пожалуйста» прозвучало мягко. Очень мягко. Так мягко, как звучит угроза, которую не хотят произносить вслух.

Глава 8

Утро началось с того, что Марк сам подошёл ко мне на кухне. Тихо, бочком и очень стесняясь.. В руке он держал сложенный вдвое листок, самодельный, с криво приклеенным жёлтым цветком из цветной бумаги.

– Мам...- он не смотрел мне в глаза. - Это тебе. От класса, врнее от меня. Ну, концерт к Восьмому марта. Ты придёшь?

Я взяла листок. Пальцы у него были холодные. На обложке детским почерком было выведено: «Дорогим мамам». Внутри дата, время и место: «актовый зал, 2 этаж».

– Конечно приду, солнышко, - я наклонилась, поцеловала его в макушку. Он не отстранился, но и не прижался. Стоял, как замороженный.

– А папа? - спросил он, глядя в пол.

– И папа придёт, - сказала я, хотя ещё ничего у Игоря не спрашивала. И уже знала почему-то, что он не придёт.

Марк кивнул и быстро вышел из кухни. Я осталась стоять с листком в руках. Бумажный цветок отклеился с одного края и висел, держась на честном слове.

Игорь вечером, не отрываясь от телефона, бросил:

– Кать, у меня в пятницу совещание. Ты передай ему от меня... ну, что-нибудь. Скажи, я гордился бы.

«Гордился бы». Не «горжусь». Подумать только! Но ничего не ответила.

Актовый зал гудел, как улей. Родители рассаживались по рядам, переговаривались, поправляли букеты тюльпанов, жёлтых, красных, белых, фотографировали пустую ещё сцену. Пахло духами и какой-то наивной школьной торжественностью, той самой, от которой у матерей разыгрывается ностальгия и наворачиваются умильные слезы.

Я сидела в шестом ряду, у самого прохода, и сжимала на коленях три тюльпана, жёлтых, как тот бумажный цветок на приглашении. Стебли уже потеплели в моих руках и стали мягкими, немного примятыми. Рядом стоял пустой стул. Я не стала класть на него сумку. Пусть стоит пустым. Пусть видят все, что отец Марка не пришёл к сыну на праздник. Пусть видит и сам Марк со сцены.

Хотя кому я мстила этим пустым стулом? Игорю, которого здесь не было? Или себе, которая всё ещё не могла поверить?

Я посмотрела в зал. Десятки лиц. Усталые, благополучные, накрашенные, бородатые, молодые, старые. Отцы в пиджаках поверх свитеров. Матери, поправляющие наскоро суложенные волосы, бабушки с мятными конфетами в кулаке. И где-то среди них родители высокого, темноволосого Артема. Сидят сейчас, может быть, в трёх метрах от меня.

Сердце колотилось так, что кахалось заглушит голос ведущего в динамиках.

– Дорогие мамы, дорогие бабушки... - зазвучал голос ведущей, какой-то учительницы с искусственной улыбкой и пышной причёской. - В этот первый весенний праздник наши дети приготовили для вас самое главное - свою любовь...

Зал умиленно зашумел. Шторы поползли в стороны.

Небольшой хор стоял на трёх ступенях. Белые рубашки, тёмные брюки и юбки, банты у девочек. Я нашла Марка сразу в первом ряду, с краю. Маленький, с чуть оттопыренными ушами, с этой его привычкой держать руки по швам, как солдатик. Сердце у меня сжалось до

боли и волнения за сына. Он искал меня глазами. Нашёл, и на секунду, на одну только секунду, у него дрогнули уголки губ. Слабая, неуверенная улыбка. Я подняла перед собой жёлтые тюльпаны, чтобы он точно увидел. Кивнула изо всех сил давая понять, что я здесь, я тебя вижу.

А потом я увидела, как его улыбка погасла.

Марк отвёл взгляд куда-то вбок и вверх и застыл. Лицо у него стало гладким, пустым, как будто он мысленно вышел из собственного тела и оставил вместо себя восковую куклу. Я знала это его выражение. Я видела его дома, когда мы заговорили о травле.

Я медленно перевела взгляд туда, куда он боялся смотреть.

Это была кучка ребят, примерно ровесников моего сына. Видимо, параллельный класс. И среди них был один высокий, выше остальных на полголовы и темноволосый. Но особенно выделялся его взгляд. Совсем не как у десятилетнего ребенка.

Он смотрел на Марка. Спокойно, не отрываясь, чуть склонив голову. И в этом взгляде не было детской злобы, не было задиристости, не было даже ненависти, той понятной, жаркой ненависти, которая бывает у мальчишек. Был холод. Ровный, взрослый, осознанный холод. Артём.

У меня пересохло во рту. Тюльпаны в руках совсем размякли, не выдержав того, как я сжимаю их от напряжения.

Дети запели. «Мама первое слово, главное слово в каждой судьбе...» Чистенькие голоса, на два голоса, как их явно долго репетировали. Женщина впереди меня всхлипнула и полезла в сумочку за платком. Кто-то сзади шептал: «Ой, наша Сонечка, смотри, смотри...»

А я сидела и смотрела, как мой сын поёт про маму на Восьмое марта, не разжимая зубов, и как мальчик в зале выше его на голову, не сводит с моего мальчика взгляда.

Марк ни разу не повернул головы, ни разу. Будто там, слева были не одноклассники, а раскалённая печь, и стоило только глянуть обожжёшься.

Мне захотелось немедленно встать. Подняться, пройти к сцене, взять сына за руку и увести из этой школы, из этого зала, из этого города. да куда угодно. Я почувствовала, как напряглись мышцы в ногах.

Но я сидела. Потому что Игорь позавчера сказал «пожалуйста». И я слышала это «пожалуйста» до сих пор. Почему я не пошла к преподавателю вновь? Почему не пошла к директору? Я не знала. Я прокручивала в голове слова мужа: «Мальчишки, что ты хочешь. Я тоже в школе дрался. Это нормально, это часть взросления».

Но сейчас увидев воочию страх своего сына, я решила, что надо эту проблему срочно решать, а не ждать, что пройдет само, как говорит муж.

И для начала попросить поддержки у своего отца. И дело тут было не только в сыне, а всем, что произошло за последнюю неделю. Псевдодиагнозы, странная реакция Игоря на проблемы сына, слова моей матери...

Песня кончилась.

Зал взорвался аплодисментами. Все вокруг меня хлопали громко, восторженно, вставая с мест, кто-то даже крикнул «Браво!».

Хлопали мамы, хлопали бабушки. Хлопала и женщина в третьем ряду, повернувшись чуть боком к сцене, чтобы было удобнее... Почему-то она привлекла мой взгляд.

Я положила тюльпаны на колени. Подняла руки. Машинально. Ладони уже почти сошлись для первого хлопка и застыли.

Свет софитов, развернувшихся в зал на поклоне, скользнул по третьему ряду и на мочках ушей женщины, сидевшей наискосок от меня, вспыхнули две искры. Холодные, белые, с тем самым едва уловимым голубоватым отливом, который бывает только у действительно хороших камней.

Я узнала эту огранку. Я заметила ее еще тогда в витрине магазина. Я помнила их тёмно-синюю бархатную коробочку. Я помнила так же ту маленькую открыточку. И серьги.. россыпь бриллиантов на мочках ушей.

Глава 9

Аплодисменты ещё гремели, а я уже не слышала их. Точнее, слышала, но как сквозь толщу воды, глухо и далеко, будто меня саму выключили из этого зала. В ушах стоял единственный звук: тонкий, звенящий, как от удара ложечки о хрусталь.

Серьги. Черт возьми! Это же те самые серьги. Я уже готова была встретить их на ком угодно, да или не встретить никогда. Но то, что я увижу серьги на маме в школе, где учится наш сын я и представить не могла.

Я сидела, уставившись в чужой затылок, в идеально уложенные тёмно-русые волосы, собранные тонким черепаховым гребнем. И не могла отвести взгляд. Сердце колотилось так, что казалось стук заглушает шквал оваций. Тюльпаны на коленях вдруг стали неподъёмными, будто я держала на ладонях не три цветка, а три камня.

Стой, Катя. А почему ты вообще решила, что это те самые серьги? Это же не эксклюзив в конце концов. Они лежали в ювелирном на витрине и кто угодно мог их приобрести.

Но я знала. Знала тем особым женским чутьем, которое не обманывает никогда. Я слишком долго стояла тогда у этой витрины, слишком детально разглядывала их на шелковой подушечке в свой день рождения. И, конечно, я помню их форму. Чуть удлинённый каплевидный бриллиант в обрамлении мелкой россыпи. Не круг, не маркиз, а именно эта странная, почти грушевидная огранка, которую я тогда мысленно назвала слезинкой.

На сцене дети уже кланялись. Марк стоял прямой, как струна, не глядя в зал. Учительница что-то говорила в микрофон про талантливых артистов и их дорогих мам, а я не могла оторвать взгляд от двух искорок в третьем ряду. Катя, господи, посмотри на ребенка! Но нет, в это мгновение обида на мужа одержала верх.

Женщина чуть повернула голову, наклонилась к кому-то, шепнула, улыбнулась. Профиль был мягкий, ухоженный, с тем особенным холёным изгибом скулы, который бывает у женщин, которым не нужно отягощать себя бытовыми вопросами. Я успела заметить тонкую линию помады, аккуратную нюдовую, а не размазанную, как у меня к концу дня.

А потом она встала. Все вставали, так как концерт закончился. Зал зашевелился, зашкрипел стульями, заговорил в полный голос.

– Извините... простите... - я кое-как протиснулась в проход, прижимая к груди окончательно размякшие тюльпаны. Ноги шли сами, а голова была пустая, гулкая, как этот актовый зал, из которого все разом потянулись к выходу.

В фойе стоял праздничный шум с детским визгом, с цветами, с поцелуями в макушки. Кто-то фотографировался у окна, кто-то застёгивал на ребёнке курточку. Запах духов, лака для волос и тюльпанов смешался в один густой, удушливый воздух.

Я искала её взглядом. Не Марка, а её. Я понимала, что это неправильно, что мне сейчас нужно бежать к сыну, обнимать, вручать цветы, говорить, какой он молодец, но ноги сами несли меня к гардеробу, в ту сторону, куда мелькнула тёмно-русская голова с черепаховым гребнем.

И вот она. Стоит у колонны, чуть в стороне от толпы, как будто специально ждёт, пока схлынет основной поток. Высокая, тонкая, в кремовом пальто нараспашку, а под ним строгое тёмное платье с высоким воротом. Лет тридцать пять, не больше. Она моложе меня. Заметно моложе.

И она смотрела на меня. Не растерянно или удивлённо от моего напора, а так, как смотрят, когда давно ждали. Спокойно, изучающе. С чуть приподнятым подбородком, как будто я была картиной, которую ей пообещали показать, и вот наконец привезли в галерею.

И вдруг у меня внутри всё оборвалось окончательно.

Рядом с ней стоял он, тот самый мальчик. Высокий, темноволосый, на полголовы выше остальных детей. Артём. Он держал руку у материнского локтя, не цеплялся, как цепляются дети, а именно придерживал, по-взрослому, как маленький мужчина. И смотрел поверх моего плеча.

Я не оборачивалась. Я и так знала: там, за моей спиной, среди расходящейся толпы, стоит Марк. И этот мальчик, её сын, почему-то смотрит на моего тем же ровным, холодным взглядом, что и в зале.

Я сделала шаг. Ещё один. Тюльпаны в руке закачались. Подойти. Не подойти. Развернуться. Сделать вид, что не узнала. Что не было никакой витрины, никакой синей коробочки. Как же это было глупо.

Но какое-то помешательство все же заставило меня подойти. Мне хотелось встретиться с той, что по видимому была очень близка с моим мужем.

Она не отступила и не отвернулась. Только чуть склонила голову, и в этом наклоне было что-то почти ласковое. Почти.

– Здравствуйте, - сказала я. Голос прозвучал чужой, тонкий, я сама его не узнала.

– Здравствуйте, - ответила она. Низко, мягко. С такой интонацией, будто мы давно знакомы и просто давно не виделись.

Мы стояли в полуметре друг от друга. Я чувствовала её духи, что-то цветочное, дорогое, с горьковатой ноткой. Я чувствовала её взгляд, открытый, без капли смущения. Я чувствовала, как у меня дрожат руки, и тюльпаны мелко-мелко вздрагивают вместе с ними.

Скажи что-нибудь, Катя! Спроси, уточни. Или развернись и уйди.

Я смотрела на её уши. Камни ловили свет от ламп фойе и светились как две крошечные звёздочки.

– Красивые серьги, - выдавила я.

Голос у меня сорвался на последнем слове. Я услышала это сама и мне стало стыдно. Стыдно за то, что подошла, за дрожащие тюльпаны, за свою застиранную блузку под пиджаком, за то, что я сейчас была такой жалкой.

Катя, когда это случилось? В какой момент из яркой женщины ты превратилась в замарашку с жухлыми тюльпанами? Дочь крупного бизнесмена, любимица отца и что? Что с тобой случилось?

Женщина ничуть не удивилась моему комплименту. Она медленно, очень медленно, будто давая мне время на каждое движение, подняла руку. Тонкие пальцы с аккуратным маникюром коснулись мочки уха. Осторожно, почти нежно, как касаются чего-то очень личного, чего-то, что носят близко к сердцу.

Её губы тронула тихая, почти мечтательная улыбка.

– Да, - сказала она. И посмотрела мне прямо в глаза. - Подарок от мужчины моей жизни. Он подарил их мне на день рождения.

Она сделала маленькую паузу, совсем крошечную, но за эту паузу у меня в груди успело упасть всё. Сердце, годы брака, кухонные разговоры, его «Кать, у меня совещание».

– В прошлое воскресенье, - добавила она тихо.

И улыбнулась чуть шире.

Прошное воскресенье.. Эта дата была указана на записке, которая прилагалась к серьгам. Сомнений не осталось.

А мальчик рядом с ней наконец перевёл взгляд с моего сына на меня. И посмотрел так же, как мать. Спокойно, изучающе. С тем самым взрослым, нечеловеческим для десяти лет холодом.

И тут словно откуда-то издалека я услышала голос сына:
– Мам?.. Что ты там делаешь?

Глава 10

– Мам?..

Голос Марка все же выдернул меня из оцепенения, как будто кто-то резко повернул ручку громкости. Я обернулась слишком резко, слишком неловко, и один из тюльпанов вывалился из моей руки и беззвучно лёг на паркет фойе. Я даже не наклонилась его поднять.

Марк стоял в двух шагах от меня. В белой рубашке, с расстёгнутой верхней пуговицей, с растрёпанной чёлкой, которая всегда лезла ему в глаза, когда он волновался. И смотрел не на меня, а на них. На женщину в кремовом пальто и на мальчика рядом с ней.

– Идём, - сказала я, и сама удивилась тому, насколько ровно это прозвучало. - Идём, родной. Поехали домой.

Я схватила его за руку. Слишком крепко, наверное, потому что он чуть поморщился, но ничего не сказал. Ребёнок чувствует, когда мать на грани, лучше любого взрослого. Он молча пошёл за мной и только один раз обернулся через плечо. Я же не обернулась ни разу.

Мы прошли мимо гардероба, мимо родителей, что-то восклицавших и махавших нам руками, мимо завуча, которая попыталась что-то сказать про «прекрасное выступление вашего сына». Я кивнула, не разжимая губ, и потащила Марка дальше, к выходу, к стеклянным дверям, за которыми был виден школьный двор.

Только выйдя на улицу я сообразила, что мы оба не одеты, что куртка Марка осталась в гардеробе, что моё пальто тоже осталось висеть на крючке с номерком. Мне было всё равно. Я довела его до машины почти бегом и забросила тюльпаны на заднее сиденье, два жалких уцелевших цветка.

– Мам, ты чего?

– Ничего, зайчика. Садись. Всё хорошо.

– А куртка?

– Завтра заберём.

Я вырулила со школьной парковки и поехала, сама не зная куда. Просто прямо, по проспекту, мимо светофоров, мимо рекламных щитов, мимо женщины с коляской на переходе.

Марк сидел рядом и молчал. Он смотрел в окно, и я видела его отражение в стекле, серьёзное, не по возрасту усталое лицо. Мне было жаль его из-за испорченного страхом выступления, из-за давления Артема. И я понимала, что нужно что-то делать. Но, господи, я не могла собрать себя в кучу. Словно вся жизнь начала рассыпаться.

На светофоре я нажала кнопку громкой связи на руле.

– Позвонить папе.

– Звоню «Папа», - отозвался ровный женский голос навигатора.

Марк повернул голову.

– Папе?

– Дедушке, - поправилась я.

Сын выдохнул, как будто ему стало легче, и снова отвернулся к окну.

Гудок. Второй. Третий.

– Катюш?

Голос отца. Низкий, чуть хриловатый, с той самой интонацией, от которой у меня всю жизнь вскипала гордость. Послушайте, это мой отец!

И я заплакала. Беззвучно, не отрывая глаз от дороги, чтобы Марк не заметил. Слёзы катились сами, тёплые, частые, и я только моргала, чтобы они не мешали смотреть.

– Пап.

– Что случилось?

– Пап, я... - я сглотнула. - Пап, мне надо к тебе сейчас. Можно?

– Ты где?

– Еду. Я с Марком. Мы... мы из школы.

– Катя, - голос отца стал твёрдым, тем самым, рабочим, каким он разговаривал с подчинёнными и партнёрами. - Что с тобой? С Маркушей всё в порядке?

– Да. Да, он со мной. Он рядом.

– Тогда говори.

Я посмотрела на сына. Он делал вид, что смотрит в окно, но я знала, что он слушает каждое слово.

– Маркуш, - сказала я как можно мягче, - надень-ка наушники. У тебя на заднем сидении где-то лежат. И послушай свою музыку, ладно? Мне с бабушкой надо поговорить по работе.

Он посмотрел на меня долгим, всё понимающим взглядом, от которого мне снова захотелось заплакать, и молча достал наушники. Вставил в уши, ткнул в телефон. Я подождала, пока он кивнёт мне в такт какой-то своей мелодии, и только тогда заговорила.

– Пап. Он мне изменяет.

В трубке стало тихо. Так тихо, что я слышала только собственное дыхание и шорох шин по асфальту.

– Продолжай, - сказал отец.

Не «Что ты говоришь?», не «Ты уверена?», не «Катя, успокойся». Просто продолжай. И от этого «продолжай» у меня в горле встал ком размером с кулак.

– У него женщина, да еще и с ребенком. Мальчик лет десяти, пап. Учится с Маркушей в одной школе. В параллельном классе. Наверное, от первого брака. Зачем ему любовница с ребенком!? Я... я её сегодня видела. На концерте. Она была с серьгами, которые... - я запнулась, - которые я нашла в шкафу в свой день рождения. Я думала, что он подарит их мне! Каплевидные, в россыпи. Я их сама ему показывала. А он подарил их ей в прошлое воскресенье, когда у меня был день рождения, пап. На следующий день.

Я говорила быстро, скомканно, проглатывая слова. Боялась, что если остановлюсь, то уже не смогу продолжить.

– Дальше, - сказал отец.

– Ребенок этой женщины бьет Марку в школе, - выдохнула я.

И снова тишина. Только теперь уже другая, тяжёлая.

– Что ты сказала?

– Он его бьёт, пап. Я увидела синяки на спине и спросила... а он нехотя ответил. Страшно боялся, сказал, что если проболтается маме, то мне не поздоровится.

Голос у меня снова дрогнул. Я вцепилась в руль ещё сильнее.

– А ещё он... = я набрала воздуха. - Он говорит мне, что я схожу с ума, что я все придумываю. Что я просто устала и мне нужно к врачу. Он на прошлой неделе предложил «съездить к хорошему специалисту», представляешь? Он кладёт мои вещи не туда, где я их оставила, а потом удивляется, что я ищу. Он говорит при Марке, что мама «опять забыла», «опять перепутала». Он создаёт впечатление, что я невменяемая. И, пап... - я сглотнула. - Мама его поддерживает.

– Что? - голос отца стал острым.

— Она на его стороне, пап. Когда он очередной раз пытался доказать мне, что я сумасшедшая, то позвонил маме, мол она подтвердит. Вот, снова все забыла. И она подтвердила! А потом я нашла в документах заключение врача с диагнозом! Но я не ходила к врачу!

Я свернула на знакомую улицу. До отцовского дома оставалось минут десять.

– Пап, я не сошла с ума. Я знаю, что не сошла. Я сегодня видела ту женщину и её сына. И серьги эти чертовы. И она так улыбнулась, как будто я... как будто меня уже нет. Как будто меня уже списали. И я не знаю, что мне делать. Я ехала и думала, куда мне теперь, к кому? И поняла, что только к тебе. Прости, что я раньше молчала, не хотела тебя расстраивать. Я думала, что справлюсь сама. Я думала, что это пройдёт.

Я замолчала. В трубке было слышно, как отец дышит медленно и ровно, как он всегда дышал, когда сдерживал гнев. Я знала этот его дыхание. В детстве я по нему определяла, насколько серьёзно я провинилась. Но сейчас он был зол не на меня.

– Катюша, - сказал он наконец. И голос у него был странный. Не удивлённый, не растерянный, а скорее усталый. - Катюша, девочка моя. Я знаю.

Я моргнула.

– Что?

– Про измены. Я знаю.

Я чуть не пропустила поворот. Машина дёрнулась, я еле выровняла руль и посмотрела в зеркало. Марк сидел в наушниках, покачивая головой в такт музыке.

– Откуда? - прошептала я.

– Это сейчас неважно. Я давно знаю, уже несколько месяцев. Я собирал... информацию. Думал, как тебе сказать, но не знал, как. Думал, может, у вас как-то решится. Надеялся, что я ошибаюсь. Прости меня, я виноват, что молчал.

– Пап...

– Но вот мать твоя, - голос отца стал жёстче, и в нём появилась нота, которую я никогда раньше не слышала. - Мать твоя тут при чём, Катя? Что ты сейчас сказала? Что она его поддерживает?

– Да. Я...

– Ты уверена?

– Пап, абсолютно. Я тебе говорю, она слово в слово...

– Так, - отец перебил меня. - Так-так-так.

Я услышала, как он отодвинул что-то на столе. Стакан, наверное. Он всегда так делал, когда думал.

– Катя, слушай меня. Сейчас приедешь и заходи через задний вход, через кухню. Нину я предупрежу. Маркушу к ней, пусть его покормит. А мы с тобой поговорим в кабинете.

– Пап, ты чего? Ты меня пугаешь.

– Катюша. - Он помолчал. - Про мужа я знаю, это понятно. Это, как ни горько, обычная история. С этим мы разберёмся.

Он снова замолчал. И я услышала, как он негромко, почти про себя, произнёс:

– А вот при чём тут твоя мать... вот это, дочь, мне очень не нравится. Очень.

Глава 11

Я въехала во двор родительского дома через задние ворота. Гравий хрустнул под колёсами, и я заглушила мотор у самой кухонной двери, под старой яблоней, на которой когда-то висела моя любимая качеля.

Марк вытащил один наушник.

– Мам, мы у бабушки?

– Да, зайчика. Пойдём, тебя Нина ждёт.

Нина и правда уже стояла в дверях кухни в фартуке поверх своего, по всей видимости, любимого синего платья, с полотенцем в руках. Она работала у отца двадцать лет и читала лица лучше любого следователя. Она посмотрела на меня и я увидела, как у неё чуть дрогнули губы. Но она не стала задавать лишних вопросов, лишь поздоровалась со мной, и приобняв Марка сказала тем самым низким, певучим голосом, от которого у меня в детстве отпусало любое горе:

– Ой, Маркушенька, как же ты вовремя! Я как раз пироги достала. С капустой и с вишней. Ты с какого начнёшь?

– С вишней, - серьёзно ответил Марк, и я увидела, как у него опустились плечи. Впервые за этот вечер.

Нина повела его в кухню, и в дверях обернулась. Посмотрела на меня и одними губами сказала: «Иди. Я с ним».

Я кивнула и пошла по длинному коридору к кабинету отца.

У двери я на секунду остановилась. Положила ладонь на дверной косяк, как делала в детстве, когда боялась зайти после двойки. И наконец толкнула дверь.

Отец сидел не за столом, а в кресле у окна. Он встал, как только я вошла, и шагнул мне навстречу, но, как оказалось, он был не один. У второго окна, у книжных полок, стоял молодой мужчина, которого я раньше не видела. Высокий, худой, в тёмно-синем костюме без галстука. Лет тридцати пяти.

Я остановилась.

– Пап, - сказала я тихо, и в голосе моём вдруг прорезалась злость, какой я сама от себя не ожидала. - Пап, я не готова разговаривать при посторонних.

– Катюш.

– Нет, пап. Я ехала к тебе. А не...

– Катя, - отец перебил меня, и его тон не терпел возражений. - Это Юрий. Мой новый зам. И он не посторонний. Он уже несколько месяцев негласно копает под Игоря по моему поручению. Без него ты не поймёшь масштаба происходящего.

Я замолчала и посмотрела на Юрия. Он не смотрел на меня в упор, как сделал бы посторонний, которому неловко. Он смотрел чуть в сторону, на корешки книг, давая мне время принять услышанное.

– Здравствуйте, Екатерина Сергеевна, - сказал он негромко. - Если вам тяжело, я могу выйти. Решение за вами.

– Оставайтесь, - выдавила я. Сама не знаю, почему. Может, потому что в его голосе не было ни жалости, ни любопытства. Только работа.

Отец показал мне на кресло. Я села, понимая, что ничего приятного сегодня не услышу.

– Катюша, - сказал отец, и я подняла глаза. Он стоял передо мной и впервые за весь разговор смотрел не в окно, не в стол, а мне в лицо. - Я виноват перед тобой. И прежде чем мы начнём, я должен это сказать.

– Пап...

– Не перебивай. Про женщину Игоря я знал. Уже как три месяца. Про Алину Евдокимову мне рассказал Юрий. Я не пришёл к тебе с этим, потому что... ты ни разу не пожаловалась. Ни разу, дочь. Я думал, что ты у нас ведь дама гордая, ты сама разберёшься. Я думал, может, обойдётся. Может, у вас полоса такая. Лезть в чужой брак последнее дело, даже если это брак твоей дочери.

Он нервно сглотнул.

– Прости меня, я дурак старый. Но я клянусь тебе, про синяки на Маркуше, про таблетки, про психиатра, про мать твою я не знал ничего. Если бы знал, Игорь бы у меня уже на коленях стоял.

Я смотрела на него и не могла говорить. Я только кивнула. Один раз.

Отец сел напротив меня, кивнул Юрию. Тот подошёл к столу и положил передо мной папку. И, несколько помедлив открыл ее.

– Екатерина Сергеевна, - сказал он. - Я постараюсь поделikatнее. Скажете остановиться, я остановлюсь.

Я снова кивнула.

Он начал раскладывать передо мной листы. Сначала фотографии. Игорь и та женщина, Алина у ресторана, у её подъезда, на каком-то загородном участке в пуховиках, с лопатами в руках, как будто сажают что-то, у моря.

Он достал из папки последний снимок и положил его передо мной. Школьная фотография. Я её узнала, такие же висели в коридоре у нас в школе. Общий снимок параллели. Дети в белых рубашках, в три ряда, у актового зала. Я нашла Марка глазами сразу, второй ряд, третий справа. С той самой растрёпанной чёлкой.

И тут Дмитрий ткнул пальцем в верхний ряд. В мальчика с краю. Это был Артём. Тот самый, что бил моего сына.

– Это сын вашего мужа, Екатерина Сергеевна, - сказал Юрий, и я заметила, что он впервые не смотрит мне в глаза. - Внебрачный. Артём Евдокимов. Старше Марка на восемь месяцев, он родился в феврале, ваш Марк в октябре того же года. Игорь содержит их с Алиной с самого рождения мальчика. Алина никогда не была замужем. Её сын это сын Игоря.

Я смотрела на снимок, на двух мальчиков в одинаковой белой форме, стоящих в одном кадре и не могла в это поверить.

– Как вы уже знаете, они учатся в одной школе, - продолжал Юрий. - В параллельных классах. Каждое утро расходятся по разным дверям одного коридора. На переменах гуляют в одном дворе. На физкультуре их иногда объединяют. Артём занимается в той же школе в футбольной секции по средам и пятницам. Марк ходит на ту же секцию по вторникам и четвергам. Они никогда не пересекались на тренировках. Расписание построено так, что не пересекаются.

– Подожди, - сказала я. Голос у меня дрожал. - Подожди. Расписание?

– Да, - Юрий поднял глаза. - Игорь договаривался с тренером лично. Доплачивал за «индивидуальные дни». Артём - основной состав, по средам-пятницам. Марк - параллельный, по вторникам-четвергам. Чтобы мальчики не встречались на поле.

Я почувствовала, как у меня немеют губы.

– То есть он... он специально...

– Да. Он одиннадцать лет следит за тем, чтобы они не оказались в одном кадре дольше, чем на общешкольной линейке.

Я взяла снимок в руки. Меня трясло, и края листа дрожали в моих пальцах.

– А почему тогда... - начала я и сама услышала, какой у меня жалкий голос. - Почему тогда Артём бьёт Марка? Если они не должны пересекаться?

Отец и Юрий переглянулись.

– Мы думаем, - осторожно сказал Юрий, - что Артём знает.

– Знает что?

– Что Марк его брат. Точнее, сводный брат. Алина, по нашим данным, не делает из отцовства тайны для своего сына. Артём знает, что у его отца есть «другая семья», что отец живёт там, а к ним приходит. И знает, что в параллельном классе учится тот мальчик, которого его отец официально называет «своим сыном».

Он помолчал.

– Дети в одиннадцать лет, Екатерина Сергеевна, очень редко прощают такие вещи.

Я положила снимок обратно на стол, рубашкой вниз. Не могла на него больше смотреть.

В комнате стало совсем тихо. Где-то на кухне Нина что-то говорила Марку, и он смеялся, и от этого его смеха у меня внутри всё разорвалось окончательно. Моему сыну десять лет. В соседнем классе учится его старший брат, который его бьёт, и Марк не знает почему. А Игорь, который укладывал его спать, который вчера утром ругал его за невыученное стихотворение, Игорь все тщательно продумал и жил практически на две семьи.

Я взяла со стола свидетельство о рождении Артёма, которое Дмитрий положил рядом со снимком. Он родился в феврале.

И в голове у меня щёлкнуло.

Когда Алина уже родила, я ходила беременная. Получается, Когда я выходила за него замуж у него уже, скорее всего, был роман с Алиной. И не смотря на это он ухаживал, делал мне предложение, был вхож в мою семью.. И даже полюбился отцу, за что тот в скором времени поставил зятя на хорошую должность обеспечив его всем.

А потом, в октябре, родился Марк.

Мне было сложно не то, что поверить во все это, а даже представить такую многоходовку было сложно. Все это время я была лишь способом хорошенько устроиться в жизни? Или ребенок Алины это результат случайной связи и Игорь просто взял за него ответственность как настоящий мужчина?

Я подняла глаза на отца.

– Пап.

– Да.

– А это... это ты тоже знал? Что они в одной школе?

Отец медленно кивнул. Он не отвёл глаз, а посмотрел на меня так, как человек, который готов принять удар.

– Знал. Точнее месяц назад узнал. От Юры.

Я зажмурилась.

– Я думал, - продолжал отец, и голос у него стал глуше, - поговорю с ним сам. Как мужик с мужиком. Заставлю его перевести Артёма в другую школу, тебе ничего не говоря. У меня уже и школа была подобрана, и разговор в голове отрепетирован. Я думал, зачем тебе это знать, зачем тебе эта боль, я разведу мальчиков по разным углам, и ты будешь спать спокойно. Ты и Маркуша.

Он замолчал. А потом сказал тихо:

– Повторюсь, я старый идиот, дочь. Я думал, что могу тебя защитить молчанием. Что отцовское молчание это какая-то форма любви. Я и сегодня так думал. Поехал бы к нему завтра, поговорил бы с ним, и ничего бы тебе не сказал. До сих пор. Пока ты не сказала про синяки на Маркуше.

Глава 12

Отец сидел в кресле, опустив голову, и я вдруг заметила, какие у него стали седые виски. Когда это случилось? Когда мой большой, сильный папа, который одним взглядом умирал совет директоров, превратился в этого пожилого мужчину?

– Пап, - позвала я тихо.

Он не ответил. Только моргнул как-то тяжело и поднёс руку к груди. Не схватился, а просто положил ладонь, будто хотел убедиться, что сердце ещё на месте.

– Сергей Леонидович? - Юрий шагнул к нему первым. - Давление?

– Нормально, - буркнул отец. Но голос был не нормальный. По виску у него медленно покатилась капля пота.

– Папа! - я вскочила и окликнула Нину. - Нина! Папе плохо!

Но она уже стояла на пороге, будто все знала своим внутренним чутьём, всегда всё знала. В руках тонометр и стеклянный пузырёк.

– Сергей, - сказала она, и я впервые услышала, как она называет отца просто по имени.

- Ты мне что обещал?

Она опустилась перед креслом на колени, тяжело, по-старушечьи, и закатала ему рукав.

– Нинуш, помолчи, - отец слабо отмахнулся.

– Сейчас помолчу. Сто восемьдесят на сто десять. Сергей.

Она произнесла это «Сергей» так, что у меня внутри всё перевернулось. Сунула ему под нос пузырёк, отсчитала капли в ложку. Отец послушно открыл рот, как ребёнок. И эта покорность меня доконала. Так странно видеть некогда всесильного отца таким ослабленным и покорным.

– Юра, помоги.

Они подняли отца, Нина с одной стороны, Юрий с другой, и отец вдруг показался мне совсем маленьким между ними. Он остановился у моего кресла, наклонился и сухо поцеловал меня в макушку.

– Катюш, прости. Мы завтра договорим. Я тебя не бросаю, слышишь?

– Папа, я тебя люблю. Иди ложись.

Они вышли. Я слышала, как Нина в коридоре что-то шепчет ему горячо, на грани слёз. Скрипнула дверь спальни и воцарилась тишина. Я осталась одна посреди разорённого кабинета. На столе фотографии Алины, школьный снимок, свидетельство о рождении мальчика, который бил моего сына. Я обхватила себя руками и пыталась справиться с поступающим ощущением безнадёжности.

Юрий вернулся минут через пять. Тихо прикрыл дверь. Прошел к окну, давая мне время. Потом налил воды из графина и поставил передо мной.

– Вот выпейте.

Я взяла стакан двумя руками, иначе не удержала бы.

– С ним всё будет в порядке, - сказал Юрий, садясь не в кресло отца, а на стул сбоку, как будто специально не занимая чужого места. - У него уже было что-то подобное в марте. Нина знает, что делать.

– В марте?.. Я не знала.

– Он просил не говорить.

Господи. Сколько же всего «он просил не говорить мне». Сколько же лет вокруг меня выстраивали этот мягкий, заботливый купол молчания.

Я посмотрела на Юрия. Впервые внимательно. Он сидел очень спокойно, не ёрзал, не торопился говорить. И в этом было что-то бережное, будто он привык находиться рядом с людьми, которым только что сообщили плохие новости.

И я поняла, что впервые за весь день уровень напряжения немного спал и сдерживаемые эмоции рвались наружу. Я плакала молча, прикрыв лицо ладонями. Юрий не двигался и не утешал. Только когда я начала всхлипывать совсем уж жалко, протянул через стол белый отглаженный платок.

– Простите, - пробормотала я. - Чужой человек, а я тут...

– Я не чужой, Екатерина Сергеевна. Я в этой истории не первый месяц.

Что-то в его голосе зацепило меня. Какая-то нота, на полтона ниже, чем должна была быть у наёмного зама.

– Юрий, - сказала я, - почему вы согласились на эту работу?

Он молчал секунду. Потом отвёл взгляд к окну и сложил руки в крепкий замок. Я поняла, что мужчина, который весь вечер был спокойнее всех нас, сейчас впервые волнуется.

– Можно я расскажу?

– Расскажите.

– Мою жену звали Лена. Елена Викторовна Кравцова. - Он чуть споткнулся на отчестве, как будто произносил его в первый раз за долгое время. - Она восемь лет работала старшим аналитиком в финансовом отделе вашего отца.

Я никогда не вникала в дела отцовской компании. Я не помнила Елену Кравцову.

– Год и три месяца назад она первой нащупала схему хищений Игоря. Подрядчики, получавшие оплату за услуги, которых не оказывали, завышенные сметы, откаты через цепочку фирм-однодневок.

Он помолчал.

– Лена была дотошная. Маниакально дотошная. Не могла спать, если цифры не сходились. Она копала две недели и никому ничего не говорила. Хотела прийти к Сергею Леонидовичу с готовым отчётом, чтобы ваш муж не смог отвертеться.

– Юра, - тихо сказала я.

– Через неделю после того, как она начала всерьёз копать, её нашли в реке, - закончил он ровно. - Семнадцатого декабря. У моста на Окружной. Следствие установило самоубийство. В крови небольшой алкоголь. Заключение: депрессивный эпизод. Дело закрыли через два месяца.

Он произнёс это так буднично, что я не сразу поняла. А когда поняла, зажала рот ладонью.

– Юрий...

– Лена не пила, Екатерина Сергеевна. - Он посмотрел мне в глаза, и я увидела, что там, под этим спокойствием, - выжженная пустыня. - За одиннадцать лет нашего брака я не видел её пьяной ни разу. У неё была непереносимость алкоголя, она от запаха коньяка зеленела. И депрессии не было. Мы за неделю до этого выбирали обои в детскую. Она была беременна двенадцать недель. В заключении про беременность написали вскользь, в графе «сопутствующее». Как будто это деталь.

Я не знала, что сказать. Слезы остановились, внутри стало так холодно, что им было просто неоткуда взяться.

– Я полгода добивался пересмотра дела. Безуспешно. Свидетелей нет. Камер на том участке не было, представляете, какая удача. Телефон её так и не нашли. Ноутбук с её рабочими файлами исчез, из дома, заметьте. Похоже кто-то приходил.

– Боже мой.

– Через полгода я пришёл к вашему отцу. Сказал: «Ваш зять убил мою жену. Я не могу это доказать. Но я могу доказать, что он украл у вас деньги. Дальше ваше дело».

Он горько усмехнулся горько.

– Ваш отец, Екатерина... он действительно хороший человек. Но мужчина старой школы. Он считает, что в брак, даже в брак собственной дочери лезть нельзя, пока сама дочь не попросит. Я пытался его переубедить. Говорил: «Сергей Леонидович, она же не знает. Она думает, у неё нормальная жизнь». А он отвечал: «Если бы она хотела другой, то пришла бы». Гордость. Ваша на его. Вы оба молчали и оба были уверены, что бережёте друг друга.

Я закрыла глаза.

Сколько же раз я говорила отцу: «Пап, всё хорошо, у нас всё нормально». Я думала, что оберегаю его...

– Юрий, - сказала я, не открывая глаз. - Я должна спросить. По поводу Артема. Вы знали, что он бьет Марка?

– Нет. Это новая информация. Ни ваш отец, ни я. Это всплыло сегодня от вас. - Он подался вперёд. - И, Екатерина Сергеевна, я скажу как есть. То, что Игорь зашёл так далеко с любовницей, с подложными диагнозами, с таблетками, с подставленным под кулаки Марком, это значит одно. У него развязаны руки. Кто-то ему их развязывает. Кто-то прикрывает его настолько уверенно, что он перестал бояться.

Глава 13

– Кто?

– Пока не знаю. Начну копать прямо завтра.

Он замолчал, но я видела, что ему есть что сказать.

– Что? Юра, говорите. Я уже всё выдержу.

– Ваша мама. Я с ней почти не пересекался. Видел её как-то на корпоративе, она показала мне доброй женщиной. Но если вы сегодня сказали отцу, что она поддерживает Игоря, и у него стало такое лицо, значит, для него это удар сильнее, чем все измены вместе взятые. Он сорок лет живет с этой женщиной, и на сколько я знаю, он со всякой проблемой к ней первой шёл.

Он задумался.

– Если она с Игорем, а не с вами, то это уже не семейная драма. Это что-то другое. Я выясню.

Я подняла глаза к потолку. Посмотрела на отцовскую люстру, ту самую, с шестью рожками, которую мама когда-то выбирала на ярмарке в Питере. Я была маленькая, мама прижимала меня к боку, и от нее пахло «Красной Москвой». Отец смеялся, что люстра дорогая, а мама смеялась в ответ и говорила, что уют в доме это важно.

И эта женщина, когда-то выбиравшая люстру для дома, где её дочь должна была вырасти счастливой, теперь подтверждает по телефону, что её дочь сходит с ума.

Я никак не могла этого понять.

– Юра, что мне сейчас делать?

Он встал, медленно, чтобы не торопить меня.

– Ничего. В этом и состоит ваша задача на ближайшие несколько дней.

– То есть?

– Возвращайтесь домой, ведите себя как обычно. Не ругайтесь с Игорем. Не показывайте, что были у отца. Если спросит, где были, скажете, что после концерта поехали с Марком в кафе. Главное не дайте ему понять, что земля у него под ногами зашевелилась. Иначе он успеет всё замести. Документы, переписки, счета. И вас успеет дожать до того диагноза, который уже два месяца вам примеряет.

Я кивнула. Один раз. Потом на автомате ещё раз.

– Я знаю, как тяжело изображать рядом с ним нормальную жизнь, когда вы уже всё знаете, - сказал он тихо. - Но это вопрос максимум недели-двух. Дайте мне эту неделю и мы все решим.

– Хорошо. Я постараюсь.

– Не «постараюсь». - Он впервые посмотрел на меня жёстко. - Сделайте. От этого зависит благополучие вашего сына.

Мы прошли через кухню. Марк уже доедал второй кусок пирога с вишней, щёки блестели от джема. При виде меня он вскинулся, но я улыбнулась, правда вышло это несколько натянуто.

– Кушай, зайчика. Дедушка отдыхает. Мы завтра еще приедем.

Нина встретила со мной взглядом. И в её глазах все прочла. Я поняла, что отец задремал, его давление упало. Я моргнула в ответ. Она кивнула.

Мы с Юрием вышли во двор. Уже стемнело, день в марте короткий. Воздух пах талым снегом и сырой землёй из-под яблони.

Я открыла машину. Юрий придержал дверь.

– Запишите мой номер. - Он продиктовал десять цифр. - Если что-то почувствуете не так, звоните. Не пишите эсэмэс, не пишите в мессенджеры, а сразу звоните. Если пойдёт совсем не так, приезжайте сюда. Не к подруге, не в гостиницу. Сюда.

– Поняла.

– И ещё. Я знаю, что у вас сейчас будет соблазн посмотреть Игорю в лицо и всё ему сказать прямо сегодня, как зайдёте. Я был на вашем месте. Когда я узнал про Лену, мне хотелось пойти и убить его собственными руками. Но я не пошёл. Я ждал. И вот я здесь, с папкой. Понимаете?

– Понимаю.

– Будьте усталой жёнушкой после концерта. Это самое сложное и самое важное, что вы сейчас можете сделать.

– Юра. Спасибо вам. За Лену. За всё.

Он опустил глаза.

– Не благодарите. Я это делаю не для вас.

– Я знаю. И всё равно.

Он молча кивнул и закрыл дверь.

Я выехала со двора. Марк сидел на заднем сиденье, прижимая пакет с пирогами от Нины, она в последний момент сунула. Я слышала, как он шуршит фольгой, отщипывая куски. Это было хорошо. Раз аппетит есть, значит не все так плохо.

Я ехала и мысленно репетировала. «Привет, я устала. Концерт нормально. Марк молодец. Заехали в кафе». Голос ровный. Глаза не отводить, но и не пялиться. Обычная усталая жена после школьного праздника.

Уже будучи в подъезде мы постояли немного у лифта. Марк не задавал вопросов. Как бы мне не хотелось оградить ребенка от всего. Мне казалось, что он все понимает. Я закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. «Усталая. Обычная. Концерт нормально. Марк молодец».

Мы поднялись на этаж и я открыла дверь. В прихожей было тепло и пахло чем-то дымным. Я не сразу узнала запах виски, дорогой, тот самый, который Игорь доставал по особым случаям.

– Кать?

Раздался спокойный и несколько расслабленный голос из гостинной. Марк, почуяв неладное, молча скользнул в свою комнату.

– Да, - отозвалась я и стала медленно снимать пальто, давая себе ещё пять секунд. Шарф. Перчатки. Сапоги.

Я зашла в гостиную.

Игорь сидел в кресле у торшера, в домашних брюках и расстёгнутой рубашке. В руке он держал широкий стакан с янтарным виски и одним крупным кубиком льда. Он не вскочил мне навстречу, не отвёл глаз от телефона сразу. Сначала закончил печатать какое-то сообщение, затем отложил телефон экраном вниз, и только потом поднял на меня нарочито добрый взгляд.

– Как папа? Передавал привет?

Я застыла в дверях. Я ему ничего не говорила. Я даже звонила ему весь день, не отвечала на сообщения от него. Да он их мне и не писал. Я никому не говорила, что была у отца. Никому.

Внутри у меня всё медленно опустилось куда-то вниз. Но лицо я держала. Я изо всех сил старалась делать вид, что ничего не происходит.

– Передавал, - сказала я ровно. - Только он плохо себя чувствует, давление. Я недолго была.

– Жаль, - Игорь сделал маленький глоток. - Надо его беречь. Все таки уже возраст.

Он улыбнулся ещё мягче и потянулся к телефону.

– А, и кстати. Твоя мама звонила. Сказала, ты сегодня на концерте устроила сцену какой-то незнакомой женщине. Подходила к ней, говорила что-то странное про серьги. Очень переживает.

Он повертел телефон в пальцах. Посмотрел на меня поверх стакана с той самой, обкатанной, привычной заботой.

– Может, всё-таки запишемся к доктору, дорогая? Я ведь тебе уже предлагал. Мне хорошего специалиста посоветовали. Тебе ведь самой будет легче.

И снова улыбнулся так тепло, по-домашнему, как улыбаются жене, о которой искренне беспокоятся.

А я стояла в дверях гостиной и понимала только одно. Юрий был прав. У него развязаны руки. И тот, кто их ему развязывает, знает все. Как, например, и то, что сегодня я была у отца.

Глава 14

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.